

Джейн Остин

ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

СЕДЬМАЯ КНИГА

Джейн Остин
Гордость и предубеждение

Глава 1

В целом мире не сыскать безумца, который решился бы оспорить тот факт, что богатый холостяк непременно должен находиться в постоянном поиске спутницы жизни.

Разумеется, бесспорно и то, что такой холостяк вполне может пребывать в полном неведении относительно своего счастливого положения; однако каждый раз, поселяясь в новом месте, он весьма скоро обнаруживает, что взгляды отцов соседствующих семейств преисполнены участливого понимания, а их жены — матери многочисленных дочерей на выданье — поглядывают на нового члена общества с плохо скрываемым чувством собственности.

— Дорогой мистер Беннет, — прекрасным днем обращается приятная леди к своему супругу, — вы уже слышали о том, что Незерфилд-Парк наконец-то сдали?

Мистер Беннет отвечает односложно и отрицательно.

— Однако это так, — почти раздраженно парирует дама. — Миссис Лонг только что оттуда, и она обо всем мне рассказала.

Мистер Беннет не отвечает вовсе.

— Неужели вам не хочется знать, кто его снял? — нетерпеливо взвизгивает приятная леди.

— Это *вам* хочется об этом мне рассказать, тем более что я ничего не имею против.

Намек сходит за любезность.

— Право, голубчик, вам следует об этом знать, потому что миссис Лонг уверяет, будто в Незерфилде обосновался молодой человек с очень солидным капиталом откуда-то с севера Англии. Он приехал сюда в понедельник. Представляете, проезжая мимо наших мест в почтовой карете, он был настолько очарован усадьбой, что немедленно разыскал мистера Морриса, и они практически тут же ударили по рукам; так что он вступит во владение еще до

Михайлова дня. А к концу следующей недели ожидается приезд его челяди.

— Как, вы говорите, его зовут?

— Бингли.

— Он холост или женат?

— О! Дорогой мой, он холостяк, это точно! Неженатый баснословно богатый мужчина. У него годовой доход — четыре или пять тысяч! Какая блестящая партия для наших девочек!

— Простите, но какое отношение он имеет к ним?

— Мой дорогой мистер Беннет, — капая ядом, вздыхает его жена, — как же вы бываете порой утомительны! Неужели для вас новость то, что я как раз подыскиваю подходящую партию для наших крошек?

— Это, *его* цель приезда в наши места?

— Цель! — фыркнула мадам. — Что за чепуху вы, право, городите! Просто никто не может поручиться за то, что он не влюбится в одну из наших малюток; а посему, как только мистер Бингли окончательно у нас обоснуется, вы должны будете нанести ему визит.

— Не вижу для этого повода. Девочки вместе с вами, конечно, могут поехать, а еще лучше, если они отправятся с визитом одни: по красоте, миледи, вы ничуть им не уступаете, и мистер Бингли, чего доброго, выберет себе не тот предмет обожания.

— Друг мой, да вы льстец! В прежние годы у меня, разумеется, было определенное очарование, однако нынче я не претендую на что-то из ряда вон выходящее. Женщина, имеющая пятерых взрослых дочерей, к несчастью, вынуждена забыть о красоте.

— В таких случаях, как ваш, редкая женщина имеет достаточно красоты, чтобы вообще о ней задумываться.

— Однако, мой дорогой, я настаиваю на том, чтобы вы навестили мистера Бингли сразу же, как только он приедет в поместье.

— Уверяю вас, это совершенно неудобно.

— Тогда вспомните о ваших дочерях. Только представьте, какое положение в обществе смогла бы обрести одна из них. Сэр Уильям и леди Лукас, кстати, твердо намерены проделать этот небольшой

вояж, и смею вас заверить, что причина их радушия весьма схожа с нашей; как вы знаете, обычно они не посещают неизвестно кого. Вы действительно обязаны поехать, потому что раньше вас *мы* этого сделать не сможем.

— Мадам, мне кажется, вы чрезмерно щепетильны. Рискну предположить, что мистер Бингли будет очень рад с вами познакомиться. Кстати, вместе с вами я смогу передать ему записку — так, пусячок, пару строчек, в которых я напишу, что заранее искренне одобряю его предложение о браке с любой, которая ему приглянется. Хотя, пожалуй, мне следует отдельно замолвить словечко о крошке Лиззи.

— Я категорически против подобных выходов. Лиззи ничуть не лучше остальных. Более того, я просто уверена, что она вдвое уступает по красоте Джейн и по чувству юмора — Лидии. Странно, что при этом она неизменно пользуется у вас особым расположением.

— Уж если так, то ни одна из них не может похвастаться чем-нибудь мало-мальски выдающимся, — сухо отрезал уязвленный супруг. — Все они как на подбор глупы и невежественны; и если Лиззи что-то и выделяет из общего ряда, то это некоторая расторопность по сравнению с остальными сестрами.

— Мистер Беннет, да как вы можете оскорблять собственных детей столь бесцеремонным образом? Похоже, вам доставляет особое наслаждение понапрасну сердить меня! Вам совсем не жаль моих бедных нервов...

— Вы неправильно меня истолковали, сударыня. Поверьте, я глубоко уважаю и чту ваши бедные нервы. У меня с ними давняя дружба. По крайней мере, последние лет двадцать я только и делаю что проникаюсь к ним сочувствием вместе с вами.

— Ах, где вам понять, что творится у меня на душе!

— Надеюсь, вы все же справитесь с сердечной скорбью и переживете еще множество молодых людей с четырьмя тысячами в год, которые поселятся у нас по соседству.

— Боюсь, что нам от этого не будет никакого толку, поскольку вы упорно отказываетесь навещать ваших новых соседей.

— Поверьте мне на слово, дорогая, что, как только их действительно наберется так много, я почту за честь познакомиться со всеми до единого.

Следует заметить, что в мистере Беннете настолько невообразимым образом смешались и переплелись моментальные решения, едкий сарказм, чувство выдержки и слабость к капризам, что долгие двадцать три года под одной крышей были не в силах хоть сколько-нибудь приблизить его жену к пониманию странного характера супруга. Миссис Беннет мыслила гораздо проще: она была дамой неинформированной, с неопределенным типом темперамента и затруднённым пониманием окружающей действительности. Будучи не в духе, она воображала себя натурой нервной и ранимой. Делом ее жизни стало удачное замужество дочерей, а утехой — визиты и сплетни.

Глава 2

Таким образом, в длинном ряду тех, кто с нетерпением ожидал приезда мистера Бингли, мистер Беннет занял свое почетное место одним из первых. Втайне он ни секунды не колебался в своем желании нанести соседу визит. Несмотря на это, его супруге до самой последней минуты приходилось выслушивать заверения своей половины в полной невозможности встречи. Коварство благоверного открылось в манере весьма вольной. Наблюдая за тем, как вторая по счету дочь сосредоточенно сощипывает итальянскую соломку со шляпки, мистер Беннет совершенно неожиданно для семейства позволил себе следующее замечание:

– Надеюсь, Лиззи, мистеру Бингли это понравится.

– Мы вряд ли когда-либо узнаем, *что* нравится мистеру Бингли вообще, – обиженно буркнула миссис Беннет, – поскольку наш визит к нему так и не состоится.

– Неужели вы забыли, мама, – заметила Элизабет, оторвавшись, наконец, от шляпки, – что мы встретимся с ним в собрании? Его обещала представить миссис Лонг.

– Ничто на свете не заставит меня поверить в то, что миссис Лонг сделает что-нибудь подобное. У нее самой две племянницы на выданье. И вообще она лицемерная эгоистка. Лично я о ней весьма невысокого мнения.

– Полностью с вами согласен, мадам, – ухватился за мысль мистер Беннет. – Трудно описать мою радость оттого, что вы ни в коей мере не собираетесь злоупотреблять услугами миссис Лонг.

Колкость супруга ответа не удостоилась; тем не менее, чувства так и бушевали внутри миссис Беннет, и поэтому она с энтузиазмом принялась браниться, выбрав в качестве объекта одну из собственных дочерей.

– Ах, ради всего святого, Китти, прекрати же, наконец, так кашлять! Прояви хоть чуточку сострадания к моим несчастным

нервам. Ты ведь рвешь их на части.

— В кашле Китти не было злого умысла, мадам, — вступился за девочку родитель. — Это всего лишь вопрос неудачного выбора времени.

— Я кашляю вовсе не оттого, что мне больше нечем заняться, — капризно хмыкнула девица.

— На какой день назначен следующий бал, Лиззи? — поинтересовался мистер Беннет.

— Ровно через две недели.

— Вот именно! — не преминула воскликнуть мать. — А миссис Лонг собиралась вернуться только накануне. Таким образом, она не сможет его нам представить, потому что не успеет быть представлена мистеру Бингли сама.

— Тогда, дорогая, вы можете поменяться с вашей приятельницей ролями и представить мистеру Бингли *ее*.

— Ах, мистер Беннет, это решительно невозможно, поскольку я с ним не знакома. Вы определенно наслаждаетесь тем, что вечно мне досаждаете.

— Сударыня, как я ценю вашу осмотрительность! Конечно же, для знакомства срок в две недели — сущий пустяк. Совершенно невозможно решить, что собой представляет человек, если знаешь его всего две недели. Но с другой стороны, если не рискнем мы, то это могут сделать другие. Мне кажется, миссис Лонг со своими племянницами своего шанса не упустит. Таким образом, ваша подруга сочтет ваш отказ от решительных действий жестом доброй воли; и мне не остается ничего иного, как взять инициативу в свои руки.

Девушки изумленно уставились на отца. Миссис Беннет, едва совладав с чувствами, сумела вымолвить лишь:

— Чепуха, какая чепуха!

— Мадам, что значит сие громкое восклицание? — воскликнул в свою очередь мистер Беннет. — Неужели вы всерьез хотите сказать, что считаете церемонию представления и соблюдение всех

приличествующих в этом деле формальностей чепухой? Боюсь, в этом я с вами согласиться не могу. А что на это скажешь ты, Мэри? Ты ведь слывешь юной леди, известной своим благоразумием, насколько я слышал, да к тому же читаешь умные книги и делаешь из них выписки.

Мэри в эту минуту захотелось произнести фразу, исполненную самого похвального смысла, но она и понятия не имела, как это сделать.

— Пока Мэри собирается с мыслями, — продолжил родитель, — давайте вернемся к мистеру Бингли.

— Я до смерти устала от этого мистера Бингли, — фыркнула миссис Беннет.

— Мне очень жаль слышать об этом; но почему же вы молчали раньше? Если бы я узнал ваше отношение к нему нынче утром, то ни за что не стал бы его навещать. Это очень печально; но, поскольку я уже нанес ему визит, вам не удастся избежать знакомства.

Изумлению его спутниц, а особенно миссис Беннет, не было предела; и именно этого он и добивался. Когда улеглась первая волна радостной суматохи, мать семейства гордо заявила, что с первой же минуты знала обо всем.

— Как это мило с вашей стороны, любезный мой мистер Беннет! Я с самого начала знала, что вы внемлете моему голосу и голосу разума. Я была уверена, что ваша любовь к девочкам столь велика, что вы не в силах пренебречь подобным знакомством. Господи, как же я рада! И сколько юмора вы обнаружили сегодня утром! И сколько в вас самообладания — ни словом не обмолвиться до последнего!

— А теперь, Китти, ты можешь кашлять сколько угодно, — беззаботно заявил мистер Беннет и, утомленный бурным восторгом супруги, покинул комнату.

— Девочки, какой замечательный у вас отец, — вздохнула миссис Беннет, едва только закрылась за ним дверь. — Даже не представляю, как вы сможете отблагодарить его за доброту. И меня,

кстати, тоже. В наши с ним годы, доложу я вам, не особенно-то приятно каждый день заводить новые знакомства; но ради вас мы готовы терпеть любые лишения. Лидия, золотко, хоть ты у нас и самая младшая, я уверена, мистер Бингли на следующем балу будет танцевать именно с тобой.

— О! — несколько агрессивно воскликнула малютка, — я этого нисколечко не боюсь. Пусть я и самая младшая, я все же самая высокая из сестер.

Конец вечера был насыщен догадками о дате ответного визита Бингли и планами относительно совместного ужина, а посему время пролетело почти незаметно.

Глава 3

Сколько ни билась миссис Беннет со своим несговорчивым супругом, сколько ни взывала она к помощи всех своих пятерых дочерей, ничего существенного о внешности мистера Бингли им узнать так и не довелось. Атаки на мистера Беннета проходили по всем законам военной науки. Дамы использовали полный арсенал, состоявший из прямых вопросов, искусных предположений и смутных догадок; однако во всем мире не нашлось бы такой хитрости, которая заставила бы пошатнуться нерушимые бастионы родителя. Так и не добившись победы, женщинам пришлось довольствоваться донесениями соседствующей агентуры в лице леди Лукас. Рапорт этой почтенной дамы, бесспорно, внушал оптимизм. Молодой человек понравился и сэру Уильяму. Очаровательный, юный, да к тому же беспредельно милый. Кроме того, он был намерен на предстоящем балу посетить собрание. Что может быть приятнее! Увлечение танцами, несомненно, является первым шагом на пути к страстной любви, поэтому намерения Бингли относительно вечеринки заставили восторгаться не одно женское сердце.

— Если бы только я могла порадоваться за одну из наших девочек, которая счастливо обоснуется в Незерфилде, — вещала супругу миссис Беннет, — и удачно выдать замуж остальных крошек, тогда мне, пожалуй, и желать было бы больше нечего.

Через пару дней мистер Бингли случился с ответным визитом к мистеру Беннету. Целых десять минут мужчины просидели в библиотеке. Несмотря на высказанные молодым человеком надежды лицезреть юных леди, о красоте которых не смолкая судачила якобы вся округа, его взору приходилось довольствоваться лишь видом родителя знаменитых барышень. Кстати, самим красоткам повезло куда больше: воспользовавшись занятыми

высотами в мезонине, они сумели детально рассмотреть синий плащ и черную кобылу посетителя.

В спешном порядке послали приглашение на ужин. Миссис Беннет спланировала порядок подачи блюд самым тщательным образом, дабы продемонстрировать собственный талант домохозяйки, достойной всяческих похвал, как вдруг прибыл ответ от виновника хлопот, на корню убивший радужные планы семейства. Дела заставили мистера Бингли рано утром отправиться в город на целый день; а посему он с сожалением был вынужден отклонить приглашение, сделавшее ему столько чести, и пр., пр., пр. Миссис Беннет впала в замешательство. Она ума не могла приложить, какие могут быть дела в городе у молодого человека, только что поселившегося в Хертфордшире. В сердце ее закралась тревога: уж не привык ли этот повеса порхать с места на место и не жить, как все добропорядочные джентльмены, оседло? Но вскоре леди Лукас удалось сбить пламя в душе миссис Беннет. Она высказала предположение, что мистер Бингли, наверняка, отправился в Лондон только для того, чтобы лично вручить приглашения на бал. Почти сразу вслед за этим, по тихому, в общем-то околотку, вихрем пронеслись сплетни, в которых мистер Бингли собирался привезти с собой из столицы целую дюжину дам и человек семь джентльменов. Количество спутниц мистера Бингли местных девушек смутило и заставило насупиться; однако канун бала принес с собой утешительные вести: вместо двенадцати леди с ним прибыло только шесть, да и те — пять его родных сестер и одна кузина. Когда же все общество заполнило зал, в компании молодого человека ревнивые глаза насчитали всего пятерых вместе с ним самим: мистер Бингли, две его сестры, муж самой старшей и неизвестный юноша.

Мистер Бингли был безупречен: цвет кожи поражал свежестью, а манеры — непринужденностью. Сестры его также оказались дамами достойными. Каждая обнаружила бездну вкуса и стиля. Его зять, мистер Херст, выглядел почти как джентльмен. Тем не менее, внимание всего собрания вскоре оказалось сосредоточено на

приятеле мистера Бингли — восхитительном высоком красавце, несомненно, знатного происхождения по имени мистер Дарси. Уже через десять минут, после того как он вошел в зал, среди гостей пронеслось известие о том, что этот молодой бог имеет десять тысяч в год. Все джентльмены отметили стройность его фигуры, а дамы как одна сошлись во мнении, что он гораздо симпатичней самого мистера Бингли. Почти полвечера местные прелестницы посылали ему взгляды, полные обожания, пока манеры этого красавца не заставили общество замереть в ужасе и отвращении: он оказался гордецом, поставившим себя выше компании; и это тут же лишило его недавней оглушительной популярности. Теперь даже несметные его владения в Дербишире не могли разубедить гостей в том, что внешность у него почти отталкивающая и что он совсем не достоин своего друга.

Сам мистер Бингли времени не терял и вскоре познакомился со всеми, с кем стоило познакомиться. Он был весел и легок на подъем, не пропускал ни единого танца, досадовал на быстротечность бала и заверял соседей в том, что непременно устроит вечеринку в собственном доме, в Незерфилде. Такой очаровательный стиль поведения говорил сам за себя. Какой разительный контраст между ним и его другом! Мистер Дарси один только раз пригласил на котильон миссис Херст и один раз прошел круг с мисс Бингли. В манерах его явно сквозило желание укрыться от новых знакомств. Остаток вечера он провел, разгуливая по залу и изредка перебрасываясь парой слов с кем-нибудь из собственного окружения. Его репутация вылепилась и отвердела. Он стал самым несносным и нелюбезным мужчиной в мире; и всякий счел своим долгом высказать предположение, что больше ему никогда не доведется встретиться с этим Дарси снова. Среди тех, кто занял особенно жесткую позицию, оказалась миссис Беннет; тяжкое впечатление от заносчивости юноши безмерно обострилось и переросло в плохо скрываемое негодование по поводу того, что молодой нахал неучтиво обошелся с одной из мисс Беннет.

Ввиду недостатка мужчин Элизабет пришлось просидеть целых два танца; и времени этого вполне хватило на то, чтобы подслушать разговор между мистером Дарси, случившемся неподалеку, и душкой Бингли, на минутку сбежавшим из круга, чтобы нажать на приятеля и заставить того веселиться.

— Пойдем же, Дарси, я все равно заставлю тебя танцевать. Терпеть не могу, когда ты в одиночестве подпираешь колонны с совершенно идиотским видом. Ты гораздо привлекательней, когда танцуешь.

— Даже не уговаривай. Ты знаешь, насколько мне это неприятно, пока я как следует не познакомлюсь с партнершей. От этого собрания вообще ждать нечего. Твои сестры заняты, а кроме них в целом зале нет ни одной, с кем я мог бы пойти танцевать и при этом не чувствовать себя наказанным.

— Ради Бога, — воскликнул Бингли, — не стоит так привередничать! Клянусь честью, никогда раньше я не встречал столько хорошеньких девушек, как сегодняшним вечером. И среди этого очарования некоторые просто писанные красавицы.

— Ты уже ангажировал самую хорошенькую девушку, — уныло вздохнул Дарси, разглядывая при этом старшую мисс Беннет.

— О, она действительно самое красивое создание, к которому я прикасался! Но у нее есть сестра. Она сидит как раз за тобой. Тоже очень хороша и даже мила, я бы сказал. Позволь мне просить мою партнершу вас познакомить.

— Никак не возьму в толк, о которой ты говоришь, — нахмурился Дарси и оглянулся назад. Поймав взгляд Элизабет, он холодно отвернулся и заявил: — Ну что ж, она вполне сносна, но недостаточно красива, чтобы заинтересовать *меня*. А, кроме того, сегодня у меня совсем нет настроения, заниматься благотворительностью и развлекать тех, на кого остальные мужчины не обращают внимания. Так что лучше тебе вернуться к своей барышне и наслаждаться ее улыбкой; со мной ты только зря теряешь время.

Мистер Бингли последовал доброму совету. Дарси же удалился, оставив Элизабет наедине с далеко невеселыми мыслями. Девушка с энтузиазмом поведала грустную историю подругам, потому что была натурой живой и общительной и обожала все необычное.

В целом вся семья согласилась с тем, что вечер удался; и миссис Беннет безмерно радовалась за старшую дочь, весь вечер проведенную в компании с «будущей Незерфилдской партией». Мистер Бингли дважды пригласил ее на танец, и барышню к тому же любезно приняли его сестры. Джейн вполне разделяла восторги собственной матери, хотя справедливости ради стоит заметить, что делала она это не столь бурно. Элизабет также радовалась за Джейн. Мэри же лично слышала, как мисс Бингли отозвалась о той как о самой стильной девушке здешнего общества. Кэтрин и Лидии тоже повезло, и за весь вечер они ни разу не испытывали недостатка в кавалерах; а большего от балов они и не ждали. В самом приятном расположении духа семейство вернулось в родное поместье Лонгбурн, где застало мистера Беннета все еще на ногах. С книгой этот джентльмен утрачивал всякое чувство времени. Любопытство его оказалось достаточно сильным, чтобы живо поинтересоваться событиями нынешнего вечера, возбуждившими столько волнений у его дам. Втайне он надеялся, что жена его будет разочарована новым знакомым, однако ее рассказ полностью разрушил все воздушные замки.

— О, мой дорогой мистер Беннет! — воскликнула она, с шумом врываясь в библиотеку. — Мы провели совершенно восхитительный вечер. Лучшего бала я, право, и не припомню. Как жаль, что вас там не было. Джейн покорила всех мужчин до единого. Вы даже представить не можете, какой это был успех! Все только и говорили о том, какая она хорошенькая. Мистер Бингли тоже расхваливал ее на все лады и даже дважды с ней танцевал. Вы только подумайте об этом: целых два раза. Больше он никого не приглашал дважды. Сначала он подошел к мисс Лукас. Я прямо вскипела, когда увидела их вместе, но потом вполне успокоилась: невооруженным глазом

было видно, что она ему совсем не нравится. Да и немудрено: кому такая может прийти по вкусу? А вот когда наша Джейн взяла его под руку и они пошли в круг, он прямо остолбенел. Вообще-то он заметил ее раньше, навел о девочке справки, их представили, и он сразу же ангажировал ее на два танца подряд. Потом танцевал с мисс Кинг, затем с Марией Лукас, а после нее он снова пригласил Джейн; потом два раза прошелся с Лиззи, после нее с Боулангер...

— Если бы он имел хоть чуточку сострадания ко *мне*, — нетерпеливо вставил супруг, — он не танцевал бы так много! Ради всего святого, больше ни единого слова о его партнершах. Господи, и почему он не вывихнул лодыжку на первом же котильоне!

— О, мой милый, — безмятежно продолжала миссис Беннет, — как же он мне понравился! Мистер Бингли столь невыразимо красив! И сестры у него просто очаровательны. Никогда в жизни я не видела таких элегантных туалетов. Я бы даже сказала, что кружева на платье миссис Херст...

К несчастью, миссис Беннет снова перебили, потому что супруг ее взмолился о пощаде и не на шутку стал протестовать против любых дальнейших описаний чьих бы то ни было нарядов. Милосердной леди пришлось быстро найти новую тему для рассказа, связанную с главными событиями; и поэтому она, вооружившись талантом живописца и подобрав самую темную и мрачную палитру, перешла к печальной повести о вопиющей грубости мистера Дарси.

— И заверяю вас, — уже почти задыхаясь от темпа рассказа и собственного возмущения, добавила миссис Беннет, — что Лиззи абсолютно ничего не потеряла, оказавшись не в *его* вкусе, потому что он самый неприятный, самый кошмарный юноша, которого и ублажать даже не стоит. Он настолько чванлив, что его невозможно вынести. Весь вечер слонялся то здесь, то там, и при этом нос его был задран кверху от собственной важности! Ишь ты, недостаточно хороша, чтобы танцевать с его особой! Очень жаль, любезный мой мистер Беннет, что вас там не было. Уж вы бы поубавили его спеси, как вы это умеете. Нет, этот нахал мне определенно противен!

Глава 4

Как только Джейн и Элизабет остались наедине, первая, будучи совершенно очарованной мистером Бингли, поспешила выразить сестре свое полное восхищение молодым человеком.

— Он настоящий эталон джентльмена, — заявила она. — Чувственный, живой, с тонким чувством юмора; и я никогда раньше не встречала такого изящества в манерах, такой легкости и такого воспитания!

— И он весьма красив, — добавила Элизабет, — именно настолько, насколько и подобает быть мужчине. Да, он весьма целостная натура.

— Мне было так приятно, когда он пригласил меня на танец во второй раз. Я и не ждала такой чести.

— Правда? Но я в этом нисколько не сомневалась. Собственно здесь-то и кроется вся разница между нами. Для тебя любые комплименты всегда становятся сюрпризом, а вот для меня никогда. Что могло бы быть естественней, чем снова пригласить именно тебя? Он просто не мог не заметить, что ты раз в пять красивее, чем любая девушка на балу. Так что вовсе не стоит проникаться к нему за это благодарностью. Конечно, он очень милый, и поэтому я с радостью его уступаю тебе. Прежние твои поклонники были такими дураками!

— Лиззи, дорогая!

— О, голубушка, согласишься, в тебе есть эта черта: любить всех людей без разбору. Ты ни в ком не замечаешь недостатков. Весь свет в твоих глазах хорош и очарователен. Я никогда в жизни не слышала, чтобы ты дурно о ком-нибудь отозвалась.

— Я и правда, никогда не спешу судить людей. Однако я всегда говорю именно то, что думаю.

— Ты совершенно права, и именно это меня и удивляет. С твоим-то здравым рассудком быть настолько слепой, чтобы не замечать недостатков и глупостей других! Никто не станет спорить с тем, что

искренность очаровательна, но такое встречается нынче повсюду. Однако быть искренней без хвастовства и притворства, вычленять из характера людей только хорошее, да еще и чуть приукрашивать эти качества умеешь только ты. Скажи-ка, тебе ведь понравились его сестры? У них манеры не настолько хороши, как у брата.

— Конечно, нет, но это только на первый взгляд. Стоит с ними поговорить, и ты сразу же замечаешь, какие они чудные. Мисс Бингли собирается поселиться вместе с братом и будет заниматься домашним хозяйством. Я ничуть не ошибусь, если предположу, что в ее лице мы найдем превосходную соседку.

Элизабет слушала молча, но доводы сестры ее не убедили. В целом поведение тех дам на балу ей не казалось приятным. Обладая большей живостью ума и меньшей мягкостью нрава, а также, не будучи избалованной чрезмерным вниманием поклонников во время бала, она, в отличие от сестры, вовсе не была склонна преувеличивать достоинства женской части семейства Бингли. Разумеется, трудно не согласиться с тем, что в целом они безупречны: у них нет недостатка в чувстве юмора, особенно когда они находятся в приятном расположении духа, и при желании они могут очаровать своими манерами любого; но в то же время от Элизабет не скрылись ни их гордость, ни плохо замаскированное высокомерие. Создатель наделил их приятными чертами, родители дали им образование в одном из первых частных пансионатов города, капитал перевалил за двадцать тысяч, и потому они тратили даже больше, чем нужно. Эти леди были вхожи в свет, и следовательно не было в целом мире ничего такого, что заставило бы их усомниться в собственных достоинствах. Семейство Бингли весьма уважали на севере Англии, и это обстоятельство оставило в их душах след куда более глубокий, чем тот факт, что все их состояние возникло исключительно благодаря успешной торговле.

Мистер Бингли унаследовал почти сотню тысяч фунтов от отца, который намеревался вложить средства в недвижимость, но так и не дождался осуществления своих планов. Молодой мистер Бингли

ничуть против такого распоряжения деньгами не возражал и время от времени лично приобретал землю в родном графстве. Но, поскольку сейчас он имел солидный дом и обширное поместье, для всех, кто знал легкость его характера, было весьма сомнительно то, сумеет ли он сберечь накопленное для потомков и осесть, наконец, в Незерфилде.

Его сестрам не терпелось обзавестись собственной недвижимостью; но тот факт, что в настоящее время их брат выступал в роли лишь арендатора, нисколько не убавил желания повесить себе на пояс ключ от его кладовых ни у мисс Бингли, ни у миссис Херст, которая вышла замуж за человека больших амбиций и весьма скромного состояния. Оставалось еще целых два года до совершеннолетия мистера Бингли, когда тот краем уха услышал чьи-то похвалы в адрес поместья Незерфилд. Вскоре он посвятил полчаса осмотру усадьбы и дома, остался доволен здешним пейзажем и расположением комнат, во всем остальном поверил на слово владельцу и немедленно заключил сделку.

С Дарси его связывала на редкость стабильная дружба, несмотря на всю очевидную разницу характеров. Бингли полюбился Дарси за легкость нрава, откровенность, податливость, хотя совокупность всех этих черт представляла самый разительный контраст с его собственными. Впрочем, стоит при этом заметить, что собственная мрачность никогда не побуждала в нем терзаний и душевных мук. Благодаря сильному характеру Дарси, Бингли нашел в друге самую надежную опору. В тех делах, где требовался холодный разум, Дарси был незаменим. Не то чтобы Бингли можно было назвать слабоумным, но друг его был действительно умен. Вместе с этим несомненным достоинством Господь также щедро одарил молодого человека надменностью, сдержанностью и критическим складом ума; но, несмотря на изысканные манеры, эти качества делали его совершенно несносным. И если Бингли был уверен в собственном обаянии, то Дарси вечно балансировал на грани оскорбления окружающих.

Манера, в коей меж ними велось обсуждение недавнего бала, весьма показательна. Бингли никогда раньше не встречал столько приятных людей и самых красивых девушек. Все до единого казались ему предельно отзывчивыми и внимательными, и в целом в атмосфере не было ни формализма, ни скованности; поэтому, в первые же полчаса он перезнакомился со всеми гостями. Что касается мисс Беннет, то он не мог представить себе другого создания, которое обликом и нравом более живо напоминало бы ему светлого ангела. Дарси, напротив, на балу узрел скорее толпу вовсе некрасивой деревенщины, которая навевала тоску и скуку. Мисс Беннет была признана им хорошенькой, но при этом он заметил, что она слишком часто улыбается и оттого выглядит простовато.

Миссис Херст и ее сестра отдали справедливость такой критики, но девушку все же приветили и полюбили, а затем и вовсе провозгласили юную Беннет самой приятной особой в собрании, достойной более тесного знакомства. Неожиданно для самой себя став обладательницей столь громкого титула, Джейн теперь могла наслаждаться обществом мистера Бингли столь часто, сколь это могло прийти ей в голову.

Глава 5

Поместье Беннетов от соседей, с которыми семейство было особенно дружно, разделяло лишь расстояние, достаточное для небольшой приятной прогулки. Сэр Уильям Лукас в прежние годы торговал в Меритоне. Заработав весьма приличное состояние и, в свою бытность мэром, получив в награду за заслуги рыцарский орден от самого Короля, он вскоре от дел отошел. Его известность чересчур бросалась в глаза, что делало диссонанс между высоким положением и занятием торговлей в крошечном городке, пожалуй, слишком разительным. Собравшись с духом и разом покончив с коммерцией, он однажды вместе с семьей перебрался в поместье в миле от Меритона, отбросил громкий титул и с тех пор стал известен как сэр Уильям. Джентльмен полюбил часы раздумий в тишине и одиночестве. Несмотря на былую славу, он вовсе не впал в грех чванства, а, напротив, был предельно внимательным к окружению. Будучи необидчивым, дружелюбным и услужливым от природы, среди прихожан Сент-Джеймса он прослыл очень приятным человеком.

Леди Лукас обладала всеми достоинствами, которыми может обладать идеальная дама, и в силу некой скованности ума высоко ценила соседство с Беннетами. У Лукасов было много детей, и среди них старшая – смышленная и приятная женщина двадцати семи лет от роду – стала душевной подругой Элизабет.

Все юные Лукас и Беннет каждый раз, повстречавшись на балу, считали своим долгом поболтать по душам о том, о сем. Первые на следующее после вечера утро всегда спешили в Лонгбурн, чтобы послушать и быть услышанными.

– Ты отлично начала вечер, Шарлотта, – с видом опытной матроны обратилась миссис Беннет к мисс Лукас. – Тебя мистер Бингли выбрал для танца первой.

– Да, но, похоже, вторая партнерша приглянулась ему больше.

— О, ты имеешь в виду Джейн? Как же, ведь он танцевал с ней дважды! По правде говоря, мне тоже показалось, что она ему понравилась. Я даже в это поверила, тем более что кое-что слышала. Вот только я не могу сообразить, что к чему в этом рассказе. Что-то о мистере Робинсоне...

— Наверное, вы имеете в виду тот разговор, который я нечаянно подслушала. Разве я вам об этом не говорила? Мистер Робинсон спросил, как ему нравятся балы в Меритоне, не кажется ли ему, что здесь собралось очень много хорошеньких женщин, и какая из них самая красивая. А тот возьми да ответь: “О! Старшая мисс Беннет, конечно же. Двух мнений тут быть не может!”

— Боже всемогущий! Он так об этом и сказал? Тебе не кажется, будто... Впрочем, не станем делать из мухи слона.

— От того, что случайно услышала Элиза, куда больше толка, — заметила невзначай Шарлотта. — Мистера Дарси слушать вовсе не так интересно, как его друга, правда? Бедная Элиза! Быть всего лишь «вполне сносной».

— Надеюсь, ты не станешь докладывать об этом Лиззи и сердить меня. Девочка вобьет себе в голову бог знает что, а дружеское расположение такого неприятного мужчины мне кажется страшнее пожара. Миссис Лонг давеча мне посетовала, что этот Дарси битых полчаса просидел бок о бок с ней, так и не раскрыв рта.

— Вы уверены в этом, мэм? Нет ли здесь ошибки? — поинтересовалась Джейн. — Я точно помню, что видела, как мистер Дарси о чем-то с ней беседовал.

— А, это она наконец-то из приличия спросила его, как ему нравится Незерфилд; и тому ничего не оставалось делать, как ответить. Но она заверяет, что Дарси прямо рассвирепел оттого, что с ним кто-то заговорил.

— Мисс Бингли мне сказала, — заметила Джейн, — что он никогда не разговаривает с людьми, покуда не узнает их как можно ближе. Зато со своими друзьями он предельно любезен.

– Пусть меня сразит молния, если я поверю хоть из этого слову! Коль скоро он умеет быть таким разлюбезным, то непременно поддержал бы разговор с миссис Лонг. Все вокруг говорят, что он набит гордостью до пяток; а я лично ничуть не сомневаюсь, что до него дошли слухи о том, что у миссис Лонг нет средств на карету, и что на бал она приехала в наемном экипаже.

– Мне, признаться, совершенно безразлично, отчего Дарси не захотел говорить с миссис Лонг, – хмыкнула мисс Лукас, – но мне очень горько оттого, что он не захотел танцевать с нашей Элизой.

– На твоём месте, Лиззи, – гневно выпалила миссис Беннет, – я сама не согласилась бы танцевать с ним.

– Мне кажется, мама, я совершенно спокойно могу вам обещать, что никогда не стану с ним танцевать.

– Его гордыня, – уверила мисс Лукас, – не оскорбляет меня так сильно, как обычно всегда оскорбляет сей порок, потому что в этом случае я вижу смягчающие обстоятельства. Никто не станет удивляться тому, что такой видный молодой человек из уважаемой семьи и с солидным достатком придерживается столь высокого мнения о собственной персоне. Если можно так выразиться, у него есть право на гордость.

– Это весьма справедливо, – согласилась Элизабет, – и я с легкостью могла бы простить его гордость, если бы он не задел при этом мою.

– Гордость, – изрекла Мэри, уверенная в собственном таланте аналитика, – это грех, который, как мне кажется, мы встречаем в этой жизни довольно часто. Всё, когда-либо прочитанное мной, убеждает лишь в том, что такие примеры весьма многочисленны, что натура человека падка на соблазн и что немногие из нас лелеют в душе смирение. Увы, все люди склонны придавать слишком большое значение тем или иным добродетелям, будь они реальны или вымышлены. Тщеславие и гордыня – разные вещи, хотя их нередко используют как синонимы. Человек может быть горд без тщеславия.

Гордость относится скорее к области нашей самооценки, а тщеславие – к тому, что следует думать о нас другим.

– Если бы я был таким же богатым, как мистер Дарси, – возбужденно воскликнул младший Лукас, присоединившийся к сестрам, – то не стал бы терзаться вопросом о собственной гордости. Вместо этого я держал бы свору борзых и впивал бы по бутылке вина каждый день.

– Тогда бы ты пил гораздо больше, чем следует, – заметила миссис Беннет, – и если бы я застала тебя за этим занятием, то сразу бы спрятала бутылку куда подальше.

Мальчик запротестовал, вспомнив о личной свободе; однако дама, не уставая, заверяла, что именно это она и сделала бы; и конец их спору положил лишь конец самого визита соседей.

Глава 6

Дамы в Лонгбурне пребывали в ожидании скорого визита новых приятельниц из Незерфилда. Ответное посещение прошло по всей форме этикета. Приятные манеры мисс Беннет за время разлуки лишь выросли в глазах миссис Херст и мисс Бингли; и хотя мать ее оказалась особой несносной, а сестры – недостойными внимания, желание поближе узнать девушек, было адресовано двум самым старшим. Джейн подобное внимание расценила как великую любезность. Элизабет же по-прежнему видела в них лишь надменность, распространяющуюся на всех и в некоторой степени даже на старшую сестру, и от этого особой признательности к барышням не питала. Впрочем, их благосклонность по отношению к Джейн даже в таком виде имела определенную ценность, поскольку могла служить отражением восторгов брата; а это уже радовало. При каждой новой встрече признаки его восхищения множились, да и сама Джейн совершенно очевидно вошла во вкус подобных знаков внимания со стороны человека, с первой же встречи покоровившего ее сердце. Лиззи понимала, что это любовь, и радовалась за сестру, которая обладала огромной выдержкой, твердостью характера и живостью манер, а потому не рисковала стать объектом светских сплетен. Этим соображением она поделилась со своей подругой, мисс Лукас.

– Кто знает, может и хорошо, – отвечала Шарлотта, – что она умеет так надежно укрыть свое сердце от людских глаз; но иногда слишком крепкие бастионы становятся сущим наказанием. Если женщина успешно скрывает свою привязанность от всего света, и в том числе от самого предмета обожания, она может просто потерять возможность привязать его к себе. Согласись, утешение оттого, что ты сумела одурачить весь мир, в этом случае весьма сомнительно. Мы все можем *начинать* свободно – легкий флирт выглядит вполне естественным; но среди нас найдутся немногие, кто имеет

достаточно мужества, чтобы действительно полюбить без оглядки. В девятнадцати случаях из ста женщине следует показывать больше чувств, чем она действительно питает. Бингли, несомненно, нравится твоя сестра. Но его интерес вполне может так никогда и не стать любовью, по крайней мере, если она ему в этом не поможет.

— Но она ему и так помогает настолько, насколько ей это позволяет ее натура. Если даже я заметила ее интерес, то он был бы ходячей наивностью, если бы не понял, что к чему.

— Помни, Элиза, что, в отличие от тебя он не знает степени расположенности Джейн.

— Но если женщина равнодушна к мужчине и едва это скрывает, должен же он наконец это заметить!

— Может быть, должен, но только при условии, что они видятся достаточно часто. В нашем же случае, хотя Бингли и Джейн видят друг друга относительно часто, они никогда не проводят по много часов наедине, а, напротив, встречаются лишь на шумных вечеринках, на которых невозможно спокойно побеседовать. Поэтому Джейн следует выжимать все до последней капли из каждой четверти часа, на которые она может привлечь к себе его внимание. А вот когда она надежно привяжет к себе мистера Бингли, тогда уж пускай любит себе на здоровье.

— Твой план кажется логичным только в том случае, — парировала Элизабет, — когда перед дамой стоит лишь вопрос удачного замужества. Если бы, к примеру, я вознамерилась завести себе богатого или вообще любого мужа, то охотно бы его приняла. Однако на сердце у Джейн вовсе не это, и потому твой сценарий ей не подходит. Кроме того, она совсем не знает, насколько глубоки его чувства, ведь они знакомы всего две недели. Она четыре раза танцевала с ним в Меритоне, один раз видела его дома и четыре раза вместе с ним обедала. Этого отнюдь не достаточно, чтобы понять, что у него за характер.

— Все не так, как ты излагаешь. Обеды в его компании могут дать представление только о его аппетите. Подумай лучше о том, что

целых четыре вечера они провели вместе, а четыре вечера — это уже кое-что.

— Конечно, ведь за это время они узнали, что им обоим больше нравится двадцать одно, чем бридж. Но что касается остального, то не думаю, что им удалось открыть друг в друге что-нибудь существенней.

— Ну что ж, — вдохнула Шарлотта, — от всего сердца я желаю Джейн добра; и если бы она вышла за него замуж уже прямо завтра, я сказала бы, что ей повезло гораздо больше, чем если бы она долгий год скрупулезно изучала его характер. Счастье в браке целиком находится во власти случая. Даже если обе стороны знают друг друга до мелочей или их вкусы абсолютно во всем совпадают, это еще вовсе не является гарантией вечного блаженства в их союзе. Мы все постоянно меняемся, а в браке это вызывает неудовольствие партнера; поэтому мне кажется, что куда лучше как можно меньше знать о недостатках спутника, с которым ты соберешься жить под одной крышей всю жизнь.

— Шарлотта, не смей меня. Все, что ты говоришь, — полная чепуха. Ты и сама это понимаешь и, наверняка, не поступишь так в собственном браке.

С головой уйдя в анализ отношений мистера Бингли и Джейн, Элизабет и не подозревала, что ее собственная персона с каждым днем все больше занимает воображение друга поклонника сестры. Поначалу мистер Дарси лишь нехотя допустил, что эта девушка мила. Он без малейшего замиранья сердца разглядывал ее на балу, а когда они встретились снова, анализировал барышню в критическом свете. Но не успел он признаться самому себе и своим друзьям в том, что черты мисс Беннет все же не лишены определенной привлекательности, как с удивлением обнаружил, что смысленный взгляд ее темных красивых глаз завораживает и не отпускает ни на секунду. За этим открытием последовали другие, не менее поразительные. Несмотря на то, что холодный критический анализ выявил не одну погрешность в симметричности фигуры,

Дарси вынужден был согласиться с тем, что в целом ее формы легки и на удивление изящны; и, несмотря на очевидное отставание ее манер от легкомысленной светской моды, он был пленен их изящной игривостью. Сама барышня пребывала в полном неведении относительно своей быстрой эволюции. Для нее он по-прежнему оставался человеком, который не умеет быть приятным в обществе и для которого она недостаточно хороша, чтобы быть приглашенной на танец.

Дарси окончательно смирился с мыслью о том, что желает познакомиться с мисс Беннет поближе, и, прежде чем заговорить с ней самой, начал прислушиваться к ее разговорам с другими. Его маневры привлекли к себе внимание Лиззи. Это случилось у сэра Лукаса во время большого бала, который давало это семейство.

— Чего добивается мистер Дарси, — поинтересовалась Элизабет у Шарлотты, — прислушиваясь к моей беседе с полковником Форстером?

— Боюсь, на этот вопрос может ответить только сам мистер Дарси.

— Если он намерен продолжать в том же духе, я непременно дам ему понять, что все вижу. У него очень саркастический взгляд; и если я не наговорю ему дерзостей, то совершенно точно начну его бояться.

Сказано — сделано; и вскоре после этого, заметив приближение мистера Дарси, мисс Лукас спровоцировала Элизабет на выходку, которая раскрыла все недавние поползновения нахала. Почти не прерывая речи, она резко обернулась к нему и спросила:

— Не кажется ли вам, мистер Дарси, что я очень удачно только что выразилась, подначивая полковника устроить бал в Меритоне?

— Вы сделали это весьма энергично. Вообще такие темы всегда насыщают женщин недюжинными силами.

— Как вы жестоки к нам!

— Скоро настанет и ее черед получать насмешки, — заявила мисс Лукас. — Элиза, я собираюсь подготовить инструмент; а что за этим последует, ты знаешь сама.

– Как подруга позволю себе заметить, что ты очень странное создание: все время желаешь петь и играть где угодно и перед кем угодно! Если бы мое тщеславие распространялось и на музыкальную сферу, ты была бы неоценима в своем порыве; но, поскольку дела обстоят несколько иначе, я не стану рисковать проникновением в ряды слушателей, избалованных лучшими исполнителями.

Уступив настойчивости мисс Лукас, она добавила:

– Отлично. Чему быть, того не миновать.

Бросив совершенно мрачный взгляд в сторону мистера Дарси, Элизабет ядовито заметила:

– Есть такая старинная поговорка, которую, разумеется, слышали все присутствующие: “Береги дыхание, чтобы остудить кашу”. Так вот, я сберегу свое, чтобы спеть песню.

Ее выступление оказалось приятным, хотя ни в коей мере его нельзя было назвать выдающимся. После того, как была спета пара песен, и перед тем, как прозвучали мольбы нескольких поклонников продолжить музицирование, за инструментом ее охотно сменила сестра Мэри, которая, будучи единственной простушкой в семействе, упорно корпела над науками и потому всегда была рада пожать плоды собственного раядения.

Увы, Создатель не дал Мэри ни таланта, ни вкуса; и хотя тщеславие снабдило ее прилежанием, вместе с ним барышня обрела манеры довольного собой педанта и уверенность в достигнутом совершенстве. За роялем к вящему облегчению публики ее сменила Элизабет, непринужденная и естественная; хотя справедливости ради стоит заметить, что по техничности ее исполнение вдвое уступало предыдущему. К концу долгого концерта Мэри не сдержалась и бросилась на завоевание новой порции восторгов зрителей, вооружившись набором шотландских и ирландских песен, принятых на ура семейством Лукасов и парой-тройкой офицеров.

Мистер Дарси одиноко возвышался между группой меломанов и толпой весело отплясывавшей публики, являясь как бы немым укором столь никчемному способу времяпрепровождения; и в

негодовании своем он настолько углубился в мрачные мысли, что не заметил, как по соседству с ним встал сэр Уильям, неожиданно произнесший:

— Сколько веселья для молодежи, мистер Дарси! Что, в конце концов, может быть лучше танцев! В них я усматриваю критерий изящества высшего общества.

— Вы, разумеется, правы, сэр. Именно танцы делают высший свет модным среди менее утонченных кругов; хотя даже дикари умеют танцевать!

Сэр Уильям только улыбнулся.

— Ваш друг очень мил, — продолжил он после небольшой паузы, во время которой Бингли проделал совершенно головокружительный пируэт. — Ничуть не сомневаюсь в том, что и вы знаток в этом деле, мистер Дарси.

— Вы, наверняка, могли видеть меня танцующим в Меритоне, сэр.

— Да, несомненно; и я получил осязаемое удовольствие. А при дворе вы часто танцуете?

— Никогда, сэр.

— Не кажется ли вам, что ваш приход стал бы комплиментом этому месту?

— По мере возможности я вообще стараюсь избегать раздачи подобных комплиментов.

— У вас свой дом в городе, я полагаю?

Мистер Дарси кивнул.

— Когда-то я подумывал над тем, чтобы тоже поселиться в городе. Я, знаете ли, очень люблю светское общество. Вот только я не был уверен, подойдет ли лондонский воздух миссис Лукас.

Он замолчал, надеясь услышать ответ, однако собеседник его отвечать не собирался. В это время к ним приближалась Элизабет, которая вскоре застыла как вкопанная, пораженная обращением хозяина бала, задумавшего галантный жест:

— Дорогая мисс Элиза, отчего же вы не танцуете? Мистер Дарси, вы должны позволить мне представить вам эту юную леди и

рекомендовать ее как лучшую партнершу для танца. Уверен, что на этот раз, когда вам представляется счастливая возможность провести немного времени с такой красавицей, вы будете не в силах отказаться.

С этими словами он поднес ладонь Лиззи к руке ошеломленного от неожиданности мистера Дарси, который, несмотря на некоторую растерянность, все же потянулся к девушке, тогда как та в замешательстве шагнула немного назад и пробормотала сэру Уильяму:

– Поверьте, сэр, у меня нет ни малейшего желания танцевать. Неужели вы подумали, заметив, что я иду к вам, будто мне нужен партнер?

Уязвленный молодой человек вспыхнул, попросил оказать ему честь, но, увы, все тщетно. Элизабет настроилась вполне решительно, и даже сэр Уильям был не в состоянии поколебать ее позиций.

– Мисс Элиза, вы столь искусны в танце, что с вашей стороны просто жестоко отказать мне в удовольствии полюбоваться вами; и хотя этот джентльмен в целом не одобряет подобных развлечений, я уверен, у него нет никаких возражений против того, чтобы на полчаса обязать нас своим вниманием.

– Мистер Дарси – сама любезность, – слегка улыбаясь, поклонилась девушка.

– Вы правы, но, принимая в расчет приз, стоит ли этому удивляться?

Глаза Элизабет лукаво сверкнули, и она отвернулась. Ее отказ вовсе не заставил молодого человека затаить на несостоявшуюся партнершу обиду. Он лишь благодушно усмехнулся и снова погрузился в раздумья, когда рядом раздался голос мисс Бингли:

– Спорим, я знаю, о чем вы так задумались!

– Боюсь, вы ошибаетесь.

– Вы думаете о том, какая это мука – бесцельно убить столько вечеров подобным образом и в таком обществе. Кстати, я вполне разделяю вашу грусть. Никогда еще я не чувствовала такой досады!

Полная безжизненность, и в то же время столько шума! Никчемность и самомнение всех этих людишек! Чего бы, я не отдала, лишь бы услышать вашу критику в их адрес!

— Ваше предположение абсолютно неверно, уверяю вас. Моя голова сейчас занята более приятными мыслями. Я только что размышлял над тем, как сильно способна радовать пара прекрасных глаз на красивом женском лице.

Мисс Бингли немедленно впилась в глаза собеседника, желая угадать, какая из прелестниц сумела-таки настроить этого угрюмца на столь лирический лад. Мистер Дарси отважно принял вызов:

— Это мисс Элизабет Беннет.

— Мисс Элизабет Беннет! — изумленно повторила мисс Бингли. — Я просто поражена. И как давно она возбуждает в вас такие мысли? Умоляю, скажите, когда мне пожелать вам счастья?

— Именно этого вопроса я от вас и ждал. Воображение женщин подобно вихрю: оно перелетает от заинтересованности к любви, а от любви к алтарю, слепо сметая на пути все преграды. Я так и знал, что вы пожелаете мне счастья.

— Ну что ж, коль вы так серьезно говорите, я склонна рассматривать этот вопрос как уже абсолютно решенный. Кстати, вы обзаведетесь совершенно очаровательной тещей, которая, несомненно, всегда будет вас сопровождать в Пемберли.

Молодой человек выслушивал этот щебет с полным равнодушием, позволяя девушке развлекаться таким способом; однако его хладнокровие лишь подливало масла в огонь, и поток острот грозил своей неисчерпаемостью.

Глава 7

Собственность мистера Беннета состояла из недвижимого имущества, приносившего почти две тысячи фунтов годового дохода. К великому сожалению дочерей, все состояние было завещано в пользу наследников мужского пола, состоявших с главой семейства в дальнем родстве; состояние же их матери, хотя и вполне приличное при ее образе жизни, едва ли могло восполнить недостаток отцовского; а отец ее служил адвокатом в Меритоне и оставил дочери четыре тысячи сбережений.

Миссис Беннет имела сестру, вышедшую замуж за некоего мистера Филипса, клерка из конторы ее отца, позже принятого в семейное дело, а также брата, учредившего в Лондоне очень солидный торговый дом.

Деревня Лонгбурн находилась всего в миле от Меритона – весьма удобное расстояние для юных леди, три или четыре раза в неделю чувствующих себя расположенными для визита к горячо любимой тетушке и осмотра новинок у местного шляпника. Две младшие сестры, Кэтрин и Лидия, проделывали этот неблизкий путь особенно часто. Их умы не были так заняты, как у остальных сестер; поэтому, привычно не имея более заманчивых предложений, они любили скрашивать утренние часы прогулкой в Меритон, а вечерние – воспоминаниями об оной. Сколь ни бывает скудна здешняя глушь новостями, удача им вечно сопутствовала, и они никогда не возвращались от тетки с пустыми руками, так как каждый раз ухитрялись вытянуть из нее очередную сенсацию. Вот и нынче они восторженно бурлили, будучи переполненными новостями и радостным возбуждением от недавнего прибытия полка конной армии, который на зиму расположился по соседству со штаб-квартирой в Меритоне.

Отныне их визиты к миссис Филипс обещали донесения одно интересней другого. Каждый новый день приносил с собой большую

ясность относительно имен офицеров и их дружеских связей. Расположение квартир командования больше не являлось тайной, а вскоре девушки познакомились и с самими военными. Мистер Филипс весьма коротко сошелся почти со всеми офицерами и часто их навещал, что открыло его племянницам источник счастья и наслаждений, доселе еще не ведомый. Теперь они не говорили ни о чем, кроме военных. Упоминания о богатстве мистера Бингли, дававшие столько пищи для ума и фантазии их матери, пролетали мимо очаровательных ушей незамеченными; и все золото на свете меркло по сравнению с блеском начищенных кокард.

Выслушав одним прекрасным утром очередную порцию вдохновенных излияний, мистер Беннет холодно заметил:

— Анализируя все мной здесь услышанное, я могу сделать только одно заключение: вы обе глупейшие создания в здешней округе. Раньше я об этом лишь подозревал, но теперь у меня сложилось твердое в том убеждение.

Кэтрин смутилась и промолчала, зато Лидия, точно воплощение безразличия, продолжала расхваливать достоинства капитана Картера и выражать надежды непременно нынче с ним увидеться, потому, как завтра тот собирался отлучиться в Лондон.

— Я поражаюсь, мой дорогой, — насупилась миссис Беннет, — вашей готовности признать собственных детей глупыми. Если бы мне когда-нибудь пришла в голову фантазия пренебрежительно отозваться о чьих-нибудь детях, мои собственные девочки никогда бы не стали объектом критики.

— Сударыня, коль скоро мои собственные дети глупы, я хочу надеяться, что самому мне всегда достанет ума это понять.

— Да, но так уж случилось, что все ваши дети очень умны.

— Лыщу себя надеждой, что наши с вами расхождения во взглядах ограничиваются только этим. Доселе, признаться, я был уверен в полном нашем согласии во всех вопросах, но нынче вынужден от вас отмежеваться и еще раз со всей ответственностью заявить, что обе наши младшие дочери непроходимо глупы.

— Дорогой мой мистер Беннет, не стоит требовать от этих девочек рассудительности их родителей. Когда они доживут до наших лет, уверена, они не станут думать об офицерах больше, чем это делаем мы. Я помню времена, когда тоже сходила с ума от красных мундиров, и даже сейчас мое сердце от них слегка замирает. А если какому-нибудь респектабельному полковнику с пятью-шестью тысячами в год придется по душе одна из наших крошек, я не буду иметь ничего против. Кстати, мне кажется, что давеча полковник Форстер на приеме у сэра Уильяма выглядел в своем мундире очень прилично.

— Мама, — надрывно воскликнула Лидия, — тетушка говорит, что полковник Форстер и капитан Картер нынче не так часто ходят к мисс Ватсон, как в прошлый свой приезд! Теперь их часто видят в библиотеке Кларка.

Миссис Беннет собралась, уже было ответить, как в комнату вошел лакей с запиской для старшей мисс Беннет: прибыл человек из Незерфилда, и ему было поручено дожидаться ответа. Глаза миссис Беннет так и вспыхнули от удовольствия, и она с энтузиазмом принялась кликать остальных, в то время как ее дочь нетерпеливо развернула послание.

— Ну же, Джейн, от кого оно? О чем? Что же там, наконец? Джейн, не тяни! Ну, солнышко?

— Записка от мисс Бингли, — сообщила барышня и зачитала ее целиком:

«Дорогая моя Подруга,

если только ты не сжалишься над нами и не согласишься отобедать сегодня в компании со мной и Луизой, мы обе рискуем возненавидеть друг друга до конца наших дней, потому что беседа тет-а-тет между двумя женщинами длиной в целый день непременно должна закончиться страшной ссорой. Молю тебя, не медли и, как только получишь записку, приезжай. Мой брат и

*остальные мужчины сегодня отправились на весь вечер к офицерам.
Твоя навеки,
Кэролайн Бингли».*

— К офицерам! — заголосила Лидия. — Почему же тетушка нам об этом не сказала?

— Да, это весьма некстати.

— Можно мне взять экипаж? — поинтересовалась Джейн.

— Нет, дорогая моя, тебе лучше поехать верхом, потому что собирается дождь; и если разразится ненастье, то, боюсь, тебе придется остаться там на ночь.

— Это было бы здорово, — резонно вставила Элизабет, — если, конечно, Бингли не попытаются отправить ее обратно своими силами.

— Нет же! Джентльмены, наверняка, отправились в Меритон в пролетке мистера Бингли, а у Херстов своих лошадей нет.

— Я бы поехала все же в экипаже.

— Но, дорогая моя, я уверена, что твой отец не согласится одолжить нам лошадей. Они ведь нужны ему на ферме, не так ли, мистер Беннет?

— Они нужны на ферме гораздо чаще, чем я в состоянии их туда отправить.

— И если сегодня они здесь, то мы имеем ответ на мамин вопрос, — подытожила Лиззи.

В конце концов было решено, что лошади все же заняты, и поэтому Джейн не оставалось ничего, кроме как ехать верхом. Мать проводила ее до самых ворот, с лучезарной улыбкой выдавая самые мрачные прогнозы погоды. К чести миссис Беннет, все ее предсказания оказались совершенно справедливы; и едва только Джейн скрылась за поворотом дороги, как начался настоящий ливень. Сестры дружно пожалели бедняжку, зато мать сияла, как новый шиллинг. Дождь все лил, и под его монотонный грохот унылый день сменился безрадостным вечером; и не было никакой

силы на свете, которая заставила бы Джейн вернуться домой по такой погоде.

— Как здорово я это придумала! — в который уже раз шумно восторгалась миссис Беннет, словно намекая на то, что ненастье — тоже ее рук дело.

Однако в полной мере оценить всю выгоду затеи она смогла лишь на следующее утро. Семейство уже почти закончило завтрак, когда из Незерфилда прибыл слуга, доставивший сообщение для мисс Элизабет:

«Милая моя Лиззи,

сегодня с утра я чувствую себя неважно; неверное, это оттого, что вчера я вымокла до нитки. Мои добрые подруги и слышать не желают о том, чтобы я возвратилась домой, пока мне не станет лучше. Они настаивают также на том, чтобы я встретилась с мистером Джонсом; поэтому не удивляйся, если услышишь, будто я с ним встречалась. Не считая першения в горле и мигрени со мной все в полном порядке.

Всегда твоя и пр».

— Ну, дорогая моя, — обращаясь к жене, произнес мистер Беннет, после того как Элиза зачитала письмо вслух, — если теперь ваша дочь больна, если дни ее сочтены, каким облегчением станет для нас мысль о том, что все это случилось во имя мистера Бингли и согласно вашим распоряжениям?

— О! Я совсем не боюсь, что она умрет. Как правило, люди не склонны умирать от пустяковой простуды. О ней должным образом позаботятся. Покуда Джейн пребывает в том доме, она будет в полном порядке. Если вы дадите мне экипаж, я поеду, чтобы навестить ее.

Элизабет, не на шутку взволнованная, в отличие от матери преисполнилась решимости отправиться к сестре, даже если повозки не будет; и, поскольку верховая езда никогда не числилась в ее

активе, единственным выходом оставалась пешая прогулка. Об этом она высказалась вслух.

— Как можно быть такой глупой! — негодовала миссис Беннет. — Неужели ты не видишь, какая на улице грязь? Когда ты доберешься до Незерфилда, на тебя страшно будет взглянуть.

— Я пойду туда не на смотрины, а только чтобы проведать Джейн.

— Лиззи, не намекаешь ли ты на то, чтобы я послал за лошадьми?

— Нет, папа, что вы! Я не вижу никаких препятствий для небольшой прогулки. Что значат расстояния, когда перед тобой благая цель! В конце концов, речь идет всего о трех милях. Я вернусь уже к обеду.

— Твоя душевная щедрость меня восхищает, — заметила Мэри, — но каждый порыв чувств должно контролировать разумом. На мой взгляд, всякое усилие обязано быть пропорционально конечному результату.

— Мы пойдем с тобой до Меритона, — не сговариваясь, заявили Кэтрин и Лидия.

Элизабет охотно приняла их в компанию, и вскоре три барышни отправились в путь.

— Если мы поторопимся, — снова и снова повторяла Лидия, семеня по мокрой траве, — то, скорее всего, еще успеем застать капитана Картера.

В Меритоне они расстались. Младшие поспешили в резиденцию одной из офицерских супруг, а Элизабет направилась дальше, проходя поле за полем, пробираясь сквозь живые изгороди и нетерпеливо перепрыгивая через лужи. Когда из-за очередного холма показалась усадьба, она устало замерла. Лодыжки ее ныли, на чулки налипли комья грязи, а лицо горело от изрядного утомления.

Ее проводили в столовую, в которой собрались все, за исключением Джейн. Появление еще одной мисс Беннет было сюрпризом. Подумать только: целых три мили, с раннего утра, по такой непролазной грязи, да еще одна!.. И миссис Херст, и мисс Бингли сочли это совершенно неслыханным поступком. Втайне

Элизабет несколько не сомневалась, что дамы за это ее презирают. Тем не менее, прием она получила вполне любезный, а в манерах их брата из-под простой любезности пробивалось нечто большее: в его речи сквозили юмор и доброта. Мистер Дарси говорил мало, а мистер Херст и вовсе не произнес ни слова. Первый метался в раздумьях между тем, какой восхитительный румянец играет на щеках девушки от долгой прогулки, и тем, является ли недомогание сестры достаточно веской причиной для того, чтобы такая юная особа целые три мили преодолела одна, без всякого сопровождения. Последний не думал ни о чем, кроме завтрака.

На свои вопросы о состоянии сестры Лиззи получила ответы весьма тревожные. Мисс Беннет провела очень беспокойную ночь и, проснувшись, продолжает оставаться в постели по причине сильной лихорадки. Элизабет обрадовалась, когда ее без каких-либо задержек проводили в спальню сестры; и Джейн, которую пуще болезни мучил страх за то, что своим состоянием она причиняет массу неудобств хозяевам, и которая в своей записке меж строк молила родных о приезде, увидев на пороге сестру, вздохнула с облегчением. Девушка оказалась слишком слаба для оживленной беседы; и, когда мисс Бингли оставила сестер наедине, она смогла только выразить благодарность за безмерную доброту, с которой к ней отнеслись домашние. Элизабет молча погладила слабую руку.

По окончании завтрака обе мисс Беннет все же присоединились к остальным. Элизабет с удивлением для себя обнаружила, что начинает проникаться симпатией к хозяевам за заботу к бедной Джейн. Вскоре прибыл аптекарь, который, обследовав больную, предположил, что бедняга подхватила сильную простуду, но заверил, что опасаться нечего. Старик посоветовал барышне вернуться в постель и принять лекарства. Его совету с радостью последовали, поскольку симптомы лихорадки с каждой минутой становились все явственней, а голова жутко разболелась. Элизабет ни на секунду не отходила от кровати сестры. Остальные дамы также отлучались

крайне редко — поскольку их мужчины уехали, ничего другого им и не оставалось.

Когда часы пробили три, Элизабет забеспокоилась и стала нехотя собираться домой. Мисс Бингли предложила ей свою повозку и уже придумала веские доводы в пользу этого небольшого одолжения, когда Джейн едва слышно заявила, что поедет тоже, так что барышне пришлось сменить предложение повозки на уговоры обеих сестер остаться в Незерфилде еще на какое-то время. Элизабет с самой искренней благодарностью приняла этот жест милосердия; и в который уже раз лакей отправился в Лонгбурн, чтобы сообщить семье о том, что обе сестры задерживаются, а также чтобы принести с собой несколько платьев им на смену.

Глава 8

В пять часов обе леди удалились, чтобы сменить туалеты, и в половине седьмого Элизабет пригласили к столу. На все вопросы, которые были ей заданы за обедом в немыслимом количестве и среди которых те, что задавал мистер Бингли, были скрашены не просто светской любезностью, но искренним интересом, Джейн, к сожалению, не могла дать удовлетворительного ответа. Лучше ей не становилось. Сестры Бингли, услышав такие новости, три или четыре раза повторили, как сильно они огорчены, как это неловко — так простудиться — и как сами они терпеть не могут болеть. Как только поток их болтовни иссяк, к этой теме больше не возвращались.

Их брат оказался единственным человеком, который вызывал симпатию у Элизабет. Его беспокойство о Джейн было совершенно очевидным, а внимание, которое он оказывал гостье, льстило. Все это вместе не позволяло Элизабет чувствовать себя незванным гостем, коим, по глубокому ее убеждению, ее склонны были считать все остальные домочадцы. Никто, кроме него, почти не обращал на девушку внимания. Мисс Бингли была увлечена беседой с мистером Дарси; ее сестра тоже казалась поглощенной их разговором; что касается мистера Херста, рядом с которым сидела Элиза, то он был настолько ленив, что, казалось, жил только для того, чтобы есть, пить да играть в карты. Обнаружив, что тарелка у соседки скорее пуста, чем наполнена рагу, он вообще не считал ее достойной внимания.

Как только обед закончился, Элизабет немедленно вернулась к Джейн, чем не преминула воспользоваться мисс Бингли, которая принялась упражняться в островах, едва только за ней закрылась дверь. Все леди сошлись на том, что манеры их гостьи ужасны, что сама она — смесь дерзости и гордыни, не умеет поддерживать беседу, и у нее нет ни стиля, ни вкуса, ни красоты. Миссис Херст, согласная с каждым словом, сочла своим долгом добавить:

— Короче говоря, в ней нет ничего положительного, не считая, правда, задатков скорохода. Никогда в жизни я не забуду, в каком виде она заявила к нам сегодня утром. Она действительно выглядела почти как дикарка.

— Ты совершенно права, Луиза. Я едва могла удержаться от смеха. Что вообще за блажь пришла ей в голову — явиться сюда! Подумать только: ее сестра простужена, и она считает это поводом, чтобы поупражняться в ходьбе. А голова! У нее были совершенно растрепанные волосы!

— А нижняя юбка! Надеюсь, ты видела ее нижнюю юбку? Добрых шесть дюймов ее стояли колом от грязи, я абсолютно в этом уверена. Она, конечно, попыталась прикрыть ее платьем, но ведь все равно все было видно!

— Должно быть, ты совершенно права в своем описании, Луиза, — заявил Бингли, — но я ничего подобного не заметил. Мне показалось, что мисс Элизабет Беннет, явившись сегодня поутру, выглядела исключительно мило. А ее грязной нижней юбки я и правда, не заметил.

— Но уж вы-то точно это заметили, мистер Дарси, — вставила мисс Бингли, — и я полагаю, что вам ни за что не хотелось бы видеть собственную сестру, проделывающую подобные променады.

— Разумеется, нет.

— Пройти три мили, или четыре, или пять миль, или сколько их там еще, по щиколотку в грязи, совершенно одна, *совершенно одна!* Что она хотела этим показать? Сдается мне, это был жест твердолобого самодовольства, чисто сельское пренебрежение к этикету.

— Это был жест любви к сестре, который делает ей честь, — не согласился Бингли.

— Боюсь, мистер Дарси, — игривым полупшепотом обратилась к соседу мисс Бингли, — что данный конфуз несколько затмил блеск некогда прекрасных глаз этой выскочки.

— Нисколько, — отвечал молодой человек. — От прогулки они блестели только ярче.

Возникла неловкая пауза, которую поспешила нарушить миссис Херст:

— Я весьма расположена к мисс Джейн Беннет. Она действительно прекрасная девушка, и всем сердцем я желаю ей лучшей доли. Но с таким отцом и с такой матерью, с такими жуткими связями, боюсь, у нее нет шансов.

— Мне кажется, я слышал, ты говорила, будто ее дядя имеет адвокатскую практику в Меритоне?

— Совершенно верно, и у нее есть еще один. Кажется, он живет где-то у Чипсайда.

— Должно быть, у него огромное состояние, — добавила его сестра, и обе дружно прыснули в искреннем приступе веселья.

— Даже если бы у них было достаточно дядей, чтобы населить ими весь Чипсайд, — гневно воскликнул Бингли, — это ни на йоту не сделало бы их самих менее милыми!

— Зато существенно снизило бы их шансы выйти замуж даже за самого последнего члена светского общества, — парировал Дарси.

Бингли на это ничего не ответил; однако сестры его выразили полное согласие с этим утверждением, и еще долго питали свое веселье из нескончаемого источника вульгарных связей их милой подруги.

Наконец, проникнувшись подобающей нежностью, они все же прошествовали в покои больной, где пробыли вплоть до того времени, когда в столовой подали кофе. Бедняга Джейн все еще была очень плоха, и Элизабет не отходила от нее ни на шаг до самого позднего вечера, дожидаясь, пока та крепко уснет и пока не наступит тот момент, когда скорее чувство долга, чем желание общества, позовет ее вниз. В гостиной она обнаружила все семейство, увлеченно игравшее в карты. Девушку немедленно пригласили к столу; но та, заподозрив, что ставки весьма высоки, предложение вежливо отклонила и, сославшись на усталость, попросила разрешения просто посидеть немного с книгой в руках.

Мистер Херст изумленно поднял на нее глаза, словно она была неведомым насекомым.

— Неужели вы всерьез предпочитаете чтение картам? Это так необычно...

— Мисс Элизабет Беннет, — ответила за нее мисс Бингли, — презирает карты. Она известна своим пристрастием к книгам и больше ни в чем не находит удовольствия.

— О, я не заслужила ни такой похвалы, ни такого порицания! — изумленно воскликнула Элизабет. — Я вовсе не такой уж великий читатель и нахожу удовольствие во многих вещах.

— Уверен, что одна из них — уход за больной сестрой, — вставил Бингли. — Надеюсь также, что вскоре ваше удовольствие станет еще больше, когда вы увидите вашу сестру здоровой.

Девушка от всего сердца поблагодарила молодого человека за теплые слова и прошла к столу, на котором лежало несколько книг. Хозяин немедленно предложил ей любую книгу, какая только найдется в его библиотеке.

— Мне хотелось бы иметь еще больше книг, чтобы у вас сложилось обо мне более приятное впечатление; но я ленив, и хотя собрание мое невелико, мне не хватит всей жизни, чтобы одолеть и десятую часть этих книг.

Элизабет уверила мистера Бингли, что вполне обойдется и тем, что есть.

— Я, право, удивляюсь, что наш отец оставил после себя такое незначительное количество книг, — заметила мисс Бингли. — Зато, какая у вас приятная библиотека в Пемберли, мистер Дарси!

— Иначе и быть не может, — довольно заметил молодой человек, — ведь над ее составлением трудилось не одно поколение.

— Значение вашего собственного вклада трудно переоценить — вы постоянно покупаете книги.

— В наши дни было бы преступлением пренебречь семейным делом.

– Пренебречь! Уверена, вы не пренебрежете даже пустяком, если только пустяк этот способен добавить очарования вашему славному дому. Чарльз, когда ты построишь собственный дом, будет превосходно, если по красоте он хотя бы наполовину сравняется с Пемберли.

– Да, было бы неплохо.

– Мой тебе добрый совет: купи какое-нибудь поместье неподалеку и возьми усадьбу Пемберли за образец. В целой Англии не сыскать графства прекрасней, чем Дербишир.

– Всем сердцем я согласен с этим. Я бы вообще охотно купил Пемберли, если б только Дарси выставил его на продажу.

– Это всего лишь предположение, Чарльз.

– Клянусь тебе, Кэрлайн, мне кажется, гораздо реальнее приобрести Пемберли за деньги, чем попытаться его скопировать.

Разговор этот так увлек Элизабет, что она едва заглядывала в свою книгу. Вскоре и вовсе отложив ее в сторону, она придвинулась ближе к карточному столу и оказалась между мистером Бингли и его старшей сестрой.

– Мисс Дарси, наверное, заметно подросла с прошлой весны, – предположила мисс Бингли. – Как тебе кажется, догонит ли она меня в росте?

– Да, скорее всего. Уже сейчас она ростом с мисс Элизабет Беннет или даже чуть повыше.

– Как мне хочется повидать ее снова! Никогда в жизни не встречала более милого создания. Какое самообладание, какие манеры, какое совершенство, и это в ее-то возрасте! Ее игра на фортепиано безукоризненна, – изнывала в восторге мисс Бингли.

– Меня всегда поражало, откуда у совсем юных леди столько терпения, чтобы достичь подобного совершенства. А между тем почти каждая девочка в ее возрасте просто ангел! – воскликнул мистер Бингли.

– Ты считаешь, что все юные леди совершенны? Чарльз, голубчик, ты действительно имеешь это в виду?

— Да, именно так я и думаю. Все они умеют расписывать дощечки, вышивать каминные экраны и вязать кошельки. Среди моих знакомых нет ни одной, которая не обладала бы всеми этими талантами сразу. И еще я абсолютно уверен, что, о какой бы юной леди впервые ни зашла речь, вам непременно доложат, что она — само совершенство.

— Твой список распространенных признаков истинного совершенства, — произнес Дарси, — слишком уж справедлив. Поверь мне, многие женщины достойны подобной похвалы, даже если, кроме этого, Господь не наградил их больше никакими добродетелями. Но вот с твоей общей оценкой прекрасной половины я, увы, согласиться не могу. Среди моего весьма широкого круга знакомых едва ли наберется полдюжины, которых без всяких оговорок можно было бы назвать совершенством.

— Уверена, я насчитаю не больше, — согласилась мисс Бингли.

— Тогда вы, должно быть, слишком строго подходите к критериям женского совершенства, — вступила в беседу Элизабет.

— Да, я действительно много вкладываю в это понятие, — ответил Дарси.

— Разумеется! — с готовностью подхватила его преданная ассистентка. — Никак нельзя назвать человека совершенным, если только он заметно не возвышается над банальностью. Чтобы заслужить похвалу, женщина должна иметь глубокие познания в музыке, вокале, живописи, танце и современных языках; но, кроме всего этого, ей решительно необходимо иметь что-то в облике, манерах и походке, в тембре голоса и интонациях, а иначе получится половинчатое совершенство.

— Вы абсолютно правы: ей действительно необходимо обладать всем перечисленным, — согласился Дарси, — но к этому также необходимо добавить что-нибудь существенное, например, универсальные идеи, почерпнутые из самого интенсивного чтения.

— Вот как! — протянула Элизабет. — Теперь меня несколько не удивляет, почему в вашем списке едва ли наберется больше шести

таких женщин. Скорее меня удивляет, что вы вообще с таковыми знакомы.

— Неужели вы столь невысокого мнения о вашем поле, что вообще боитесь признать существование прецедентов?

— Лично я подобных никогда не встречала. Мне не знакомы такие способности, и вкус, и очарование, и элегантность все вместе, как вы это только что описали.

Миссис Херст и мисс Бингли дружно запротестовали против такого вопиюще несправедливого сомнения, и в репликах своих уверяли, что знавали массу леди, отвечающих всем этим требованиям; однако вскоре мистер Херст призвал обеих к порядку, потому как сестры совершенно позабыли об игре и не следили за ее ходом. Его упрек положил конец дискуссии, и спустя несколько минут Элизабет покинула гостиную.

— Элиза Беннет, — заявила мисс Бингли, когда за той закрылась дверь, — несомненно, принадлежит к числу тех юных особ, которые всеми силами стремятся зарекомендовать себя у мужчин, принижая собственные достоинства. Со многими джентльменами, доложу я вам, этот фокус проходит; но, на мой взгляд, так ведут себя лишь глупые гусыни, и подобное искусство чудовищно.

— Безусловно, — согласился мистер Дарси, к которому в основном данные слова и были обращены. — Нечто чудовищное я усматриваю вообще во всех искусствах, до которых снисходят дамы, чтобы пополнить свой арсенал очарования. Презренно все, что сродни коварству.

Такой ответ понравился мисс Бингли отнюдь не настолько, чтобы по-прежнему развивать эту тему.

Элизабет снова спустилась к хозяевам, но только для того, чтобы сообщить, что Джейн стало хуже и что оставить ее она не может. Бингли настоял на том, чтобы немедленно послали за мистером Джонсом, в то время как его сестры, убежденные в ущербности сельской медицины, уверяли брата в необходимости срочно выписать лучшего лекаря из Лондона. Однако этих уговоров

Элизабет уже не слышала; но если бы ее и посвятили в суть разногласий, то вряд ли она стала бы возражать против предложения Бингли. Порешили на том, что, если к утру мисс Беннет не станет заметно лучше, за мистером Джонсом пошлют на заре. Мистер Бингли метался по гостиной и не находил себе места. Его сестры вслух заявили, что чувствуют себя совершенно разбитыми; однако свою скорбь они все же превозмогли вскоре после ужина, исполнив пару дуэтов. Мистер Бингли в свою очередь находил утешение в том, что ежечасно давал наставления мажордому оказывать всяческое внимание больной леди и ее сестре.

Глава 9

Элизабет почти всю ночь провела в комнате сестры и поутру была рада сообщить в ответ на расспросы экономки, которой обеспокоенный мистер Бингли поручил справиться о состоянии мисс Беннет, что той стало лучше, а еще чуть позже она передала то же сообщение двум элегантным горничным, которые прислуживали барышням. Однако, несмотря на очевидную поправку, Элизабет все же настояла на том, чтобы в Лонгбурн отправили записку, в которой она просила мать обязательно приехать и собственными глазами оценить состояние Джейн. Письмо это немедленно отправили; и не успели хозяева доесть завтрак, как в Незерфилде появилась сама миссис Беннет и двое ее младших дочерей.

Доведись нашей приятной леди застать свою Джейн хоть в сколь-нибудь опасном состоянии, ее сердце, безусловно, разбилось бы тут же; но поскольку кризис уже миновал и состояние дочери тревоги больше не внушало, миссис Беннет выразила уверенность в том, что скоро она совсем поправится, хотя полное выздоровление, разумеется, наступит не завтра и даже не на днях; а посему бедной девочке придется пожить в этом гостеприимном доме подольше. В соответствии с этим заявлением она и слышать не желала просьбу Элизабет отвезти их обеих домой. Аптекарь, прибывший в Незерфилд почти одновременно с тремя леди, также заверил всю компанию в том, что перемена места и дорога едва ли сослужат добрую службу ослабленному организму. Как только миссис Беннет присела рядом с Джейн, в дверях появилась мисс Бингли и пригласила гостей пройти в столовую. Там их встретил мистер Бингли, который высказал надежду на то, что состояние бедной барышни не слишком расстроило миледи.

— Ах, мистер Бингли, это ужасно! — всплеснула в ответ руками миссис Беннет. — Бедняжка так слаба, так больна, что и речи не может идти о том, чтобы трястись несколько миль в повозке по этим

ужасным дорогам. Да и мистер Джонс уверяет, что ей необходим покой. Боюсь, мы будем вынуждены еще немного злоупотребить вашим гостеприимством.

– Трястись в повозке! Даже не думайте об этом! Уверен, что моя сестра будет категорически против таких перемещений.

– Поверьте, мадам, – с ледяной любезностью молвила мисс Бингли, – ваша дочь получит у нас самую теплую заботу, какая только возможна.

Миссис Беннет разразилась потоком благодарностей.

– Я уверена, – говорила она, – что, если бы не такие преданные друзья, с девочкой могло бы случиться непоправимое; ведь она так больна, так страдает, хотя воспринимает эту боль смиренно, точно ангел. Она всегда так. Поверьте, никогда в жизни я не видела людей столь кроткого нрава. Я постоянно говорю остальным дочерям, что они ей и в подметки не годятся. Здесь у нее такая милая спальня, мисс Бингли, а из окна столь восхитительный вид на садовую дорожку! В целой стране не найдется места прекрасней, чем Незерфилд. Надеюсь, вы не спешите расстаться с этой усадьбой, хоть срок вашей аренды весьма ограничен, – обратилась она на этот раз уже к ее брату.

– Что бы я ни делал, я всегда ужасно спешу, – отвечал тот, – и поэтому, если мы соберемся покинуть Незерфилд, то сделаем это буквально за пять минут. Однако в настоящее время я чувствую себя расположенным пожить здесь некоторое время.

– Именно так мне и показалось, – заметила Элизабет.

– О, так вы начинаете понимать мой характер! – воскликнул мистер Бингли, поворачиваясь к девушке.

– Да, мне кажется, я превосходно вас понимаю.

– Мне хотелось бы расценивать ваши слова как комплимент; однако не может не пугать тот факт, что кто-то видит тебя насквозь.

– Но это именно так. И вовсе не обязательно думать, что глубокий, сложный характер является более ценным, чем тот, которым обладаете вы.

— Лиззи! — негодуяще воскликнула миссис Беннет, — Помни о том, где находишься. Дома, к несчастью, ты еще можешь позволить себе такие вольности, но здесь!..

— Вот уж не подозревал, — не обращая внимания на нее, продолжал мистер Бингли, — что вы разбираетесь в характерах. Должно быть, для вас я представляю в этом смысле определенный интерес.

— Конечно, но более всего мне интересны натуры сложные. По крайней мере в этом их преимущество.

— Провинция, — заметил Дарси, — в целом весьма скудна на объекты для подобного исследования. Пребывая в деревне, человек вынужден находиться в очень ограниченном кругу людей самого заурядного характера.

— Однако сами люди подвержены переменам настолько, что каждый день можно обнаружить в одном и том же человеке что-нибудь новое.

— Это точно, — радостно подхватила миссис Беннет, довольная выпавшей ей возможностью оправдать провинцию в глазах городских снобов. — Смею вас заверить, что этих перемен у нас ничуть не меньше, чем в городе.

На нее изумленно взглянули. Дарси, несколько мгновений не сводивший с миссис Беннет глаз, неожиданно молча отвернулся. Дама, уверовав в то, что наголову разбила неприятеля, продолжила упиваться собственным триумфом.

— Лично я вообще никак не возьму в толк, чем таким Лондон лучше нашей деревни, ну, конечно не считая магазинов и публичных мест. Сельская местность, как мне кажется, гораздо приятнее города, не правда ли, мистер Бингли?

— Когда я приезжаю в деревню, — отреагировал молодой человек, — мне совершенно не хочется ее покидать. Впрочем, когда я живу в городе, чувства мои весьма схожи. В каждом из упомянутых мест есть свои достоинства; и поэтому я могу одинаково наслаждаться жизнью повсюду, куда бы судьба меня ни забросила.

— Это оттого, что у вас такой легкий характер. Но вот этот джентльмен, — кивнула она в сторону Дарси, — похоже, полагает, что деревня вообще не достойна даже самого малого внимания.

— Нет же, мама, вы ошибаетесь, — вспыхнув от смущения, возразила Элизабет. — Вы неверно понимаете мистера Дарси. Он лишь имел в виду, что в деревне невозможно встретить столько самых разных людей, как в городе, с чем вы, конечно, спорить не станете.

— Разумеется, милочка, как же с этим не согласиться; но вот что касается ограниченного круга в нашей местности, то я хочу заметить, что в стране есть немного графств больше этого. Ты же знаешь, мы обедаем с двадцатью четырьмя семействами.

Бингли от сарказма сдерживала лишь мысль об Элизабет. Его же сестра отличалась меньшей деликатностью. Сардонически улыбнувшись, она стрельнула глазами в сторону Дарси. Элизабет, лихорадочно подыскивая новую тему для своей матери, поспешила спросить миссис Беннет, не приезжала ли в Лонгбурн во время ее отсутствия мисс Шарлотта Лукас.

— Да, как же, вчера она заглянула к нам вместе с сэром Уильямом. Что за очаровательный человек ее отец! Вы не находите, мистер Бингли? Как он следит за модой! А как он благороден! Как легок и приятен! У него всегда найдется, о чем поговорить с человеком. Именно таким я и представляю себе приличное воспитание. А вот те люди, которые слишком много о себя мнят и при этом все больше помалкивают, сильно ошибаются насчет собственной важности.

— А Шарлотта осталась с вами обедать?

— Нет, она отправилась домой. Мне кажется, ее ждали там, чтобы она помогла приготовить мясные пирожки. А вот что касается меня, мистер Бингли, то я держу только тех слуг, которые в состоянии справиться с работой без посторонней помощи. Да и дочерей я воспитала в том же духе. Однако мы не вправе судить других; и у Лукасов тоже прекрасные девочки, уверяю вас. Жаль только, что они

такие дурнушки! Конечно, не то чтобы я считала Шарлотту совсем уж простенькой, ведь она наша давняя подруга.

— Мне она показалась весьма приятной девушкой, — возразил Бингли.

— О да, разумеется; однако вы не можете не согласиться, что в целом она совсем проста. Да и сама леди Лукас всегда в этом признается, не говоря уже о том, что при всяком удобном случае она завидует тому, насколько красива моя Джейн. Я, если честно, не люблю хвастаться своими девочками, однако трудно поспорить с тем, что Джейн — редкой красоты создание. Об этом все только и говорят. Еще когда ей было всего пятнадцать, в городе, где живет мой брат, в нее страстно влюбился один джентльмен; и чувства его были столь сильны, что моя невестка нисколько не сомневалась в том, что Джейн сделают предложение еще до отъезда. Правда, тогда у нас ничего не получилось. Возможно, он счел ее слишком молодой. Как бы там ни было, в ее честь он написал несколько стихов, весьма складных стихов, уж вы мне поверьте.

— На этом его страсть и закончилась, — нетерпеливо подытожила Элизабет. — Сдается мне, мы встречались со множеством таких, как он. Интересно, кто впервые обнаружил эффективность поэзии в деле уничтожения любви?

— Я привык рассматривать поэзию как пищу для любви, — изумленно заявил Дарси.

— Прекрасной, крепкой, здоровой любви — очень может быть. Питать можно лишь то, что само по себе уже сильно. Но если речь идет об эфемерном, призрачном и тощем намерении, то тогда, я убеждена, первый же сонет задушит всякое чувство.

Услышав это, Дарси только улыбнулся. При наступлении неловкой паузы Элизабет вся затрепетала от страха за то, что мать, воспользовавшись общим молчанием, продолжит развивать тему красоты в своей собственной интерпретации. Ей страстно хотелось опередить родительницу, но как назло в голове не было ни одной мысли. Нарушив молчание, миссис Беннет вновь принялась

благодарить мистера Бингли за доброту к ее дочери, попутно извиняясь за дополнительные хлопоты, связанные с незапланированным пребыванием в этом доме еще и Лиззи. Сам молодой человек во время беседы был безупречно вежлив и произносил все те слова, которые принято говорить в подобных ситуациях. К этому же он принудил и младшую сестру. Мисс Бингли исполнила свою партию без должной грации, однако миссис Беннет осталась вполне довольна и ее речью; и вскоре с легким сердцем мадам приказала подавать экипаж. Заслышав этот сигнал, младшая из дочерей пришла в оживление и нервно засуетилась. Все это время девочки о чем-то шептались друг другу на ухо; и в результате, перемежая свои слова очаровательными ужимками, младшая Беннет напомнила Бингли о его обещании дать бал в Незерфилде.

Лидия была крепкой, заботливо взращенной девицей пятнадцати лет с очаровательным цветом лица и таким же чувством юмора – любимица своей матери, весьма рано вышедшая в свет. Девушка выросла и стала натурой совершенно естественной; и собственная ее простота и непоколебимость, а также весьма свободные манеры, особо примечаемые офицерами, которым ее добрый дядюшка любил давать обильные обеды, вскоре превратилась в самоуверенность. Именно вследствие этого, излишне не церемонясь, она и напомнила Бингли об обещании, добавив при этом, что имя его покроется вечным позором, если он не сдержит своего слова. Его ответ на эту неожиданную атаку бальзамом пролился на материнское сердце миссис Беннет.

– Уверяю вас, – говорил молодой человек, – что я полностью готов выполнить свое обещание. Как только поправится ваша сестра, я с удовольствием выслушаю ваши предложения относительно дня, в который вам будет угодно осчастливить мой бал своим присутствием. Ведь я уверен, что вам едва ли захочется танцевать, пока мисс Беннет больна.

Лидия поспешила выразить свое полное удовольствие:

— О да, гораздо лучше дожидаться, пока Джейн поправится, так как к тому времени капитан Картер, скорее всего, уже успеет вернуться в Меритон. А после того, как вы дадите этот бал, я буду настаивать на том, чтобы они в свою очередь дали другой. Обязательно скажу полковнику Форстеру, что, если он не последует вашему примеру, это будет просто неприлично.

Вскоре после этого миссис Беннет вместе с дочерьми покинула Незерфилд, а Элизабет уже привычно вернулась к Джейн, оставив остальных леди и мистера Дарси обсуждать свою родню. Последний, однако, был немногословен и отмалчивался даже тогда, когда мисс Бингли усердствовала в колкости в адрес “прекрасных глаз”.

Глава 10

Прошедший день в точности повторил предыдущий. Миссис Херст и мисс Бингли начали утро с того, что несколько часов провели у постели Джейн, которая, хотя и медленно, но все же верно шла на поправку. Когда настал вечер, Элизабет присоединилась к остальной компании в гостиной. Карточный стол сегодня, как ни странно, был пуст. Мистер Дарси что-то писал, а мисс Бингли, пристроившаяся рядом с ним, внимательно наблюдала за тем, как из-под пера быстро появляются слова, выстраиваясь в строки, и время от времени отвлекала его тем, что напоминала о своих приветях его сестре. Мистер Херст и мистер Бингли разложили пикет, и миссис Херст ничего не оставалось, кроме как скучать рядом с джентльменами.

Элизабет, севшая за вышивание, с удовольствием следила за тем, что происходило между Дарси и его компаньонкой. Полное его равнодушие к щедрому потоку похвал относительно изящества почерка, ровности строк и размеров письма воплотилось в весьма странном диалоге, который прозвучал в унисон с собственным впечатлением Джейн от этой пары.

— Как приятно будет мисс Дарси получить это письмо!

Дарси молчал.

— Вы пишете так быстро, как никто другой.

— Вы ошибаетесь. Я пишу весьма медленно.

— Подумать только, сколько у вас в течение года бывает поводов написать очередное письмо! И это не считая деловой переписки! Вся она, я полагаю, отвратительно скучна!

— К счастью, я в отличие от вас так не считаю.

— Умоляю, не забудьте написать вашей сестре, что мне не терпится с ней повидаться.

— Я уже сделал это по вашей просьбе.

— Мне кажется, у вас совсем неудобное перо. Позвольте мне его отточить. Свои я затачиваю очень искусно.

— Спасибо, но я всегда делаю это сам.

— И как только вы умудряетесь писать так ровно?

Молчание.

— Напишите вашей сестре, как я рада тому, что она все увереннее чувствует себя за арфой, и добавьте, что я в жутком восторге от ее очаровательного оформления стола и что он, несомненно, лучше, чем у мисс Грантли.

— Вы позволите мне упомянуть о ваших восторгах чуть позже? Сейчас для них в этой части письма места нет.

— О, это совсем неважно! Я ведь увижусь с ней в январе. А вы всегда пишете ей такие очаровательные и длинные письма, мистер Дарси?

— Да, почти все они длинные; но что касается их очарования, то не мне об этом судить.

— Я просто уверена в том, что человек, который с легкостью пишет такие большие письма, не может не иметь очаровательного стиля.

— Кэрлайн, боюсь, для Дарси это не комплимент, — перебил ее Бингли, — потому что он пишет вовсе не легко. Он слишком образован, поэтому предпочитает слова как минимум из четырех слогов. Правда, Дарси?

— Не спорю, мой стиль заметно отличается от твоего.

— О! — воскликнула мисс Бингли. — Чарльз действительно пишет настолько небрежно, что трудно себе даже представить. Он забыл половину того, чему его в свое время учили, а остальное сокращает вдвое.

— Просто мысли мои несутся с такой скоростью, что я не успеваю изложить их на бумаге. Именно поэтому моим адресатам порой кажется, что в этих письмах вообще нет ни одной мысли.

— Ваша скромность, мистер Бингли, — вступила в беседу Элизабет, — способна обезоружить любого оппонента.

— Ничто так не вводит в заблуждение, — заметил Дарси, — как видимая скромность. А ведь зачастую это всего лишь вопрос несовершенного образа мыслей, а иногда и косвенного хвастовства.

— И к какому из этих грехов ты причисляешь мой нынешний маленький всплеск скромности?

— К последнему, потому что ты гордишься своими недостатками в эпистолярном жанре. Тебе кажется, что они происходят от стремительности мысли и небрежности изложения, кои, в твоём понимании, если и не представляют собой ценности, то уж наверняка интересны. Талантом скорого исполнения гордятся, как правило, те, кто нисколько не тревожится о совершенстве своего результата. Когда нынче утром ты сказал миссис Беннет о том, что если надумаешь покинуть Незерфилд, то соберешься за пять минут, ты, скорее всего, счел это высказывание панегириком в свой адрес, своего рода похвалой самому себе. И тем не менее я не вижу никакой добродетели в такой спешке, поскольку, наверняка, многие твои дела окажутся незавершенными, и от этого ни ты, ни кто-либо другой не будете счастливы.

— Нет! — воскликнул Бингли. — Это уже слишком — помнить вечером все те глупости, которые я говорил с утра. И все же, клянусь честью, я свято верил в тот момент, что слова мои правдивы. По крайней мере, меня нельзя упрекнуть в том, что я просто хотел покрасоваться перед дамами.

— Наверное, так оно и было. Но при этом я не сомневаюсь и в том, что ты едва ли покинешь это место в описанной тобой поспешности. Твое поведение в полной мере будет зависеть лишь от удачи, как это бывает со всеми остальными людьми; и, если бы ты, седлая коня, неожиданно встретил друга, который попросил бы тебя остаться до конца недели, ты определенно выполнил бы его просьбу и, чего доброго, задержался бы на целый месяц.

— Этим вы только доказываете, — заметила Элизабет, — что мистер Бингли несправедлив к собственному характеру. И сейчас вы

заставили его красоваться в гораздо большей степени, чем нынче утром он сделал это сам.

— Я безмерно вам благодарен, — заявил Бингли, — за то, что вы исхитряетесь превратить упреки Дарси в комплимент моему характеру. Однако, боюсь, вы перевели разговор в то русло, которое вряд ли входило в планы этого джентльмена, потому что теперь он обязан думать обо мне лучше, так как я, согласно его собственным предположениям, не откажу тому другу и не унесусь прочь сломя голову.

— Может быть, мистер Дарси считает, что поспешность вашего начального намерения искупается лишь вашим упрямством?

— Господи, я уже совсем ничего не понимаю; и поэтому пускай Дарси сам скажет, что он об этом думает.

— Похоже, ты хочешь, чтобы я объяснился в том, что ты сам приписываешь мне, но что лично я ни в коей мере не имел в виду. Однако, если согласиться с тем, что я только что услышал, следует помнить, и особенно вам, мисс Беннет, что друг, который попросит Бингли вернуться домой, разрушит его планы просто из прихоти, без каких-либо доводов.

— Готовность поддаться на такие уговоры друга едва ли является добродетелью.

— А готовность уступить без убеждения — тем более.

— Мне кажется, мистер Дарси, что вы совершенно отказываете мистеру Бингли в банальном чувстве дружеской привязанности. Забота о друге часто заставляет нас охотно поддаваться на уговоры и при этом не ждать никаких аргументов. Сейчас я не говорю о той ситуации, которую вы обрисовали мистеру Бингли. Разумеется, мы можем подождать, пока не придут желаемые обстоятельства, чтобы более предметно обсудить происшедшее. Но в целом, в самой обычной ситуации, когда мы имеем двоих друзей, один из которых без особой причины желает, чтобы второй изменил свое решение, неужели поведение друга, согласившегося с близким ему человеком без излишних уговоров, покажется вам неприемлемым?

— Не будет ли с нашей стороны разумнее, прежде чем продолжить эту дискуссию, сразу же как можно точнее определить степень важности того решения, которое предположительно подлежит пересмотру, а также степень близости между обеими сторонами?

— Несомненно! — воскликнул Бингли. — Давайте выслушаем все подробности, не упуская при этом ни одной мелочи, даже роста и телосложения тех друзей, поскольку это придаст нашему спору не только предметность, но и определенную весомость. К примеру, если бы Дарси не был таким высоким и крупным молодым человеком, я не уделял бы ему и половины того внимания, которым он пользуется. Уверяю вас, никто не внушает мне такого благоговейного страха, как Дарси. Особенно это заметно в определенных местах и при определенных обстоятельствах — в его доме, например, а еще по воскресеньям вечером, когда ему нечем себя занять.

Мистер Дарси улыбнулся; но Элизабет почему-то была уверена, что, несмотря на эту улыбку, он задет; и поэтому собственную усмешку девушка сдержала. Мисс Бингли вяло запротестовала против такого пренебрежения, одновременно увещевая своего брата прекратить нести чушь.

— Я понимаю, чего ты добиваешься, Бингли, — сощурился его друг. — Тебе не нравится этот спор, и ты хочешь его замять.

— Может, и так. Все споры слишком похожи на конфликт. Если ты и мисс Беннет отложите обмен мнениями и подождете, пока я выйду из комнаты, я буду вам за это очень признателен. Тогда уже вы сможете судачить о чем угодно.

— Ваша просьба едва ли потребует от меня существенных жертв, а у мистера Дарси появится возможность закончить свое письмо.

Последовав ее совету, молодой человек вскоре поставил точку.

Покончив с делами, он обратился к мисс Бингли и Элизабет, умоляя об одолжении немного помузицировать. Мисс Бингли с готовностью двинулась к фортепиано; и после вежливых, но недолгих уговоров в адрес Элизабет сестра за инструмент первой,

которые, к слову, не менее вежливо, но достаточно категорично гостьей были отклонены, барышня открыла партитуру.

Миссис Херст исполнила с сестрой дуэт; и, пока дамы были таким образом заняты, Элизабет, рассеянно листая сложенные на крышке тетради с нотами, невольно заметила, как часто к ней возвращается взгляд мистера Дарси. Она даже не смела предположить, что может стать объектом восхищения такого примечательного человека; однако мысль о том, что столь пристальное внимание его ласковых глаз может быть вызвано неприязнью, казалась еще более нелепой и странной. Мечущаяся ее душа подсказывала лишь, что этот молодой человек, наверняка, обнаружил в ней больше, с его точки зрения, неправильного, чем в остальном своем окружении. Эта мысль не причиняла ей никакой боли, ведь любила она его слишком мало, чтобы заботиться о его одобрении.

Исполнив несколько итальянских песен, мисс Бингли ради разнообразия перешла к очаровательно живым шотландским напевам. Вскоре после этого мистер Дарси, подойдя поближе к Элизабет, тихо прошептал:

— Мисс Беннет, у вас не возникает желания воспользоваться возможностью и прямо сейчас пуститься в рил^[1]?

Она улыбнулась, но промолчала. Он повторил вопрос и, снова получив в ответ лишь молчание, от удивления приподнял брови.

— О! — тихо воскликнула Лиззи. — Я прекрасно слышала ваш вопрос еще в первый раз, вот только растерялась и не могла ничего придумать в ответ. Я знаю, вы хотели, чтобы я ответила “да”; и у вас бы появилась возможность ядовито сожалеть по поводу полного отсутствия у меня вкуса. Но, признаюсь, мне доставляет огромное удовольствие разрушать подобные схемы и обманывать людей в их ожиданиях. Исходя из всего этого, еще до того, как вы повторили вопрос, я уже решила, что отвечу вам следующее: мне совершенно не хочется танцевать рил. А теперь попробуйте упрекнуть меня в отсутствии вкуса, если посмеете!

— Действительно не посмею.

Элизабет, уже подготовившаяся отразить его атаку, была несказанно удивлена галантным ответом. Однако в манерах ее было столько очарования и лукавства, что даже при желании ей едва ли удалось бы нажать себе неприятелей; и Дарси вдруг осознал, что ни одна еще женщина не захватывала его чувств и воображения так, как это удалось мисс Беннет. Он действительно полагал, что если бы не наличие компрометирующих связей барышни, нынешнее его положение можно было бы назвать опасным.

Мисс Бингли видела достаточно и для подозрений и для ревности. В силу этого ее пожелание крепкого здоровья милой Джейн вспыхнуло с невиданной силой, ведь вместе с ней из дома бы убралась и ее несносная сестрица.

С завидным упорством мисс Бингли попыталась спровоцировать неприязнь Дарси к незваной гостье, с живостью, достойной похвал, обрисовывая детали его свадьбы и смакуя счастье, неизбежное при таком альянсе.

— Надеюсь, — заявила она, неспешно прогуливаясь с молодым человеком по тенистой аллее на следующий день, — когда наступит сей знаменательный час, вы не забудете намекнуть своей теще о том, что иногда весьма полезным бывает держать язык за зубами. И, если вам удастся установить контроль над будущими родственниками, пожалуйста, обратите особое внимание на младших мисс Беннет, ведь их беготня за офицерами переходит все рамки приличия. И, если вы позволите мне коснуться столь деликатного предмета, возьмите себе за труд проследить за тем, что находится на границе между самонадеянностью и неуместностью, коими Господь, помимо прекрасных глаз, разумеется, так щедро наградил Элизабет Беннет.

— Это все, что вы хотели мне предложить для построения домашней идиллии?

— Ах да, непременно распорядитесь, чтобы портреты ваших дяди и тети Филипс поместили в галерею в Пемберли. Я бы повесила их рядом с вашим знаменитым дядюшкой-судьей. Они ведь почти

коллеги, ну разве что с небольшой разницей. А что касается портрета самой Элизабет, то я бы не спешила с поиском художника, поскольку едва ли первому встречному удастся передать все очарование ее глаз...

– Да, это будет нелегко, особенно если говорить об их выражении. Но что касается цвета и формы, а также совершенно изумительных ресниц, то все это вполне можно скопировать с оригинала.

В этот самый момент из-за угла на соседней дорожке показались миссис Херст и сам предмет обсуждения.

– Я и не знала, что вы собирались на прогулку, – смущенно поджав губы, заявила мисс Бингли.

– Вы обошлись с нами чудовищно несправедливо, убежав в сад и не сказав при этом ни единого слова.

Не медля ни секунды, она оккупировала незанятую руку мистера Дарси, предоставив Элизабет самой себе. Ширина дорожки позволяла чувствовать себя комфортно на ней только троим. Мистер Дарси, осознав всю неловкость положения, поспешил с более разумным предложением:

– Эта дорожка слишком узка для всех нас. Давайте выйдем на главную аллею.

Элизабет, которая меньше всего чувствовала себя расположенной оставаться в такой компании, весело отклонила эту затею.

– Нет, нет, право же, оставайтесь здесь. Вы вместе образуете совершенно восхитительную группу, и четвертый человек неминуемо разрушит всю гармонию. Счастливо оставаться!

Она поспешила прочь, несказанно довольная тем обстоятельством, что уже через день-другой окажется в родном доме. Джейн уже значительно поправилась, и дела ее шли настолько хорошо, что этим вечером она даже намеревалась на пару часов покинуть свою комнату.

Глава 11

Как только леди удалились после обеда, Элизабет побежала к сестре и, убедившись, что она надежно защищена от холода, помогла той спуститься в гостиную, где ее радушно встретили обе подруги. Элизабет никак не подозревала, что эти дамы окажутся такими милыми в течение того часа, что они провели вместе до прихода джентльменов. Их искусство вести разговор заслуживало самых высоких похвал. Предмет обсуждения они описывали с тщательностью, анекдоты рассказывали с юмором и смеялись с заразительным энтузиазмом.

Но, как только появились мужчины, Джейн оказалась тут же развенчанной. Глаза мисс Бингли не сходили с мистера Дарси, и у нее уже накопилась масса вещей, которые нужно было срочно обсудить. Однако молодой человек первым делом обратился к мисс Джейн, тепло и смущенно поздравив ее с окончанием болезни. Даже мистер Херст слегка кивнул ей и бросил сухое “весьма рад”; но все же основная часть смущения и душевного тепла пришлось на долю мистера Бингли. Его переполняли радость и заботливость. Первые полчаса ушли на то, чтобы растопить камин в гостиной, дабы, упаси Бог, мисс Беннет не пришлось страдать от перепада температуры. По его же настоянию Джейн была вынуждена пересест в кресло с другой стороны от огня, потому как из двери ее могло просквозить. По окончании этих суетливых маневров мистер Бингли устроился около нее и после этого вообще перестал замечать окружающих. Элизабет, в противоположном углу занимавшаяся рукоделием, с удовольствием наблюдала за парой.

Когда был выпит весь чай, мистер Херст принялся намекать свояченице о картах, но все тщетно. Та, выяснив в приватной обстановке, что у мистера Дарси нет никакой расположенности к такого рода развлечениям, оставалась глуха не только к намекам, но и даже к открытому приглашению родственника. Презрительно

поджав губы, девушка заверила зятя в том, что нынче вообще никто не собирается играть, подтверждением чему послужила молчаливая реакция компании на это заявление. Таким образом, мистеру Херсту ничего не оставалось делать, кроме как растянуться на ближайшей софе и немного вздремнуть. Дарси раскрыл книгу. Мисс Бингли незамедлительно последовала его примеру. Миссис Херст, в целом весьма занятая перебиранием собственных браслетов и перстней, вообще ни к кому не примкнула и лишь время от времени подключалась к беседе своего брата с мисс Беннет.

Внимание мисс Бингли было сосредоточено на наблюдении за продвижением мистера Дарси в чтении его книги ничуть не меньше, чем на чтении собственной. Девушка то и дело задавала вопросы или заглядывала в его страницу. Тем не менее отвлечь соседа настолько, чтобы тот оставил книгу и завел разговор, ей не удавалось. Молодой человек на ее вопросы отвечал лишь односложно и при этом не отрывался от книги ни на секунду. Промучившись, таким образом, достаточно долго, мисс Бингли устало отложила в сторону томик, бессильный разогнать тоску и выбранный лишь потому, что стоял рядом с тем, который так увлек Дарси, широко зевнула и немного фальшиво воскликнула:

— Как замечательно проводить вечера именно таким способом! Никто не убедит меня в том, что есть занятие более увлекательное, чем чтение! Как скоро устает человек от всего, но только не от книги! Когда у меня будет собственный дом, мое сердце окажется разбито, если я не заведу себе превосходную библиотеку.

Возразить на это было некому и нечего. Барышня снова зевнула, отложила книгу в сторону и оглядела комнату в поисках хоть какого-нибудь развлечения. Заслышав, что в эту минуту ее брат говорит мисс Беннет о бале, она резко обернулась к нему и вставила:

— Чарльз, неужели ты всерьез думаешь о том, чтобы устроить танцы в Незерфилде? Я бы тебе посоветовала, прежде чем ты окончательно примешь решение, спросить присутствующих, что об

этом думают они. Если я не ошибаюсь, среди нас есть кое-кто, для кого бал станет скорее наказанием, чем удовольствием.

— Если ты имеешь в виду Дарси, — заметил молодой человек, — то он еще до начала может спокойно отправиться спать. А что касается самого бала, то этот вопрос уже вполне решен. Как только Николс закончит все приготовления, я разошлю приглашительные карточки.

— Мне гораздо больше нравились бы те балы, — отвечала ему кокетка, — которые были бы обустроены в другой манере. В их бесконечном однообразии есть что-то утомительное. Мне кажется, было бы гораздо разумнее гвоздем программы сделать не танцы, а беседы.

— Гораздо разумнее, милая моя Кэрлайн, — согласился с сестрой Бингли. — Но ведь тогда это вообще не будет похоже на бал.

Мисс Бингли ничего не ответила; и вскоре после этого вообще встала и вышла из гостиной. Стройную ее фигурку воздушным манти окутывала элегантность, и грациозная походка заслуживала всяческого восхищения; но все это, предназначавшееся исключительно Дарси, было не в силах поколебать его прилежания. Уязвленная и не на шутку расстроенная, она решила отказаться от дальнейших попыток привлечь к себе внимание молодого человека, поэтому переключилась на Элизабет.

— Мисс Элиза Беннет, позвольте мне просить вас об одолжении последовать моему примеру и прогуляться по гостиной. Уверяю вас, это отлично бодрит после долгого сидения и напряжения.

Элизабет едва ли скрыла удивление, но на предложение согласилась. Тайный замысел мисс Бингли вкупе с ее любезностью достиг своей цели: мистер Дарси поднял голову. Его настолько озадачила перемена в мисс Бингли, насколько та удивила и саму Элизабет. Изумленный молодой человек неосознанно закрыл книгу. В его адрес также последовало приглашение присоединиться к компании, которое, впрочем, было отклонено в силу того, что он мог догадываться только о двух причинах этого променада вдоль

гостиной и что, в обоих случаях его согласие стало бы прямым вмешательством в чужие планы.

— Что вы хотите этим сказать? — изнывая от нетерпения, поинтересовалась Кэролайн у Дарси и Элизабет одновременно.

— Скорее всего, ничего, — предположила мисс Беннет. — Просто мистеру Дарси хочется занять по отношению к нам жесткие позиции. Таким образом, единственным способом разрушить его планы будет вообще не спрашивать его ни о чем больше.

Однако вся натура мисс Бингли противилась нанесению какого-либо ущерба мистеру Дарси, поэтому она была не в силах не потребовать у молодого человека более пространных объяснений тех двух загадочных причин.

— Не вижу никаких препятствий, чтобы все вам растолковать, — начал Дарси, как только Кэролайн милостиво позволила ему говорить. — Вы избрали такой способ проведения вечера либо потому, что у вас, у барышень, есть какой-то общий секрет и вы намерены его обсудить, либо вы, уверенные в неотразимости ваших походов, желаете показать себя в наиболее выигрышном свете. Если верно первое предположение, я, несомненно, стану весьма неудобным препятствием; если второе, то мое место у камина является гораздо более удобным для наблюдения.

— О, это ужасно! — в притворном негодовании заломила руки мисс Бингли. — Никогда еще в жизни не слышала более отвратительной насмешки! Как мы накажем его за этот выпад, мисс Беннет?

— Нет ничего проще, если у вас действительно возникло такое желание, — заметила та. — Мы все с легкостью можем досаждать друг другу. Дразните его, смейтесь над ним. Учитывая ваши близкие отношения, вы, несомненно, знаете, как это лучше всего сделать.

— Клянусь всем святым, не знаю! Уверяю вас, близость наша пока еще не была достаточной для того, чтобы я узнала слабые места в обороне мистера Дарси. Дразнить воплощение покоя и холодного разума! Нет, нет, боюсь, такая тактика обречена на провал. А что

касается насмешек, то, во-первых, мы будем выглядеть нелепо, если станем смеяться без причины, а во-вторых, у него совершенно стальные нервы.

— Мистер Дарси не заслуживает насмешек?! — воскликнула Элизабет. — Какое необычное свойство! Надеюсь, таким же необычным оно будет в и дальнейшем, потому что для меня иметь много знакомых со столь же странной чертой характера было бы сущим несчастьем — мне так нравится смеяться!

— Мисс Бингли, — вставил, наконец, сам предмет обсуждения, — мне явно льстит. Самые мудрые и лучшие из людей — даже нет — самые мудрые и лучшие из их поступков могут быть неверно истолкованы тем, у кого главной целью жизни является насмешка.

— Разумеется, — согласилась Элизабет, — такие люди есть, но, тем не менее, смею полагать, я не одна из них. Надеюсь, я никогда не выставлю на посмеяние то, что хорошо или мудро. Недомыслие и глупость, прихоть и несообразность, признаюсь, порой забавляют меня, и я смеюсь над ними при первой же возможности. Однако все эти качества, я уверена, ни в коей мере к вам не относятся.

— Должно быть, ни один из смертных не в силах обладать сразу всеми этими пороками. Однако целью своей жизни я сделал изучение путей, уводящих прочь от таких слабостей, которые неизбежно заставляют трезвый рассудок смеяться.

— Как гордыня и тщеславие.

— Вы правы, тщеславие — это воистину слабость. Но вот гордыня... Там, где находится действительно универсальная мудрость, гордость всегда будет на коротком поводке.

Элизабет смущенно отвернулась, чтобы скрыть непрошеную улыбку.

— Ваше изучение мистера Дарси закончилось, я полагаю, — подытожила мисс Бингли. — Так не томите же, расскажите о ваших выводах.

— Наша пикировка окончательно убедила меня в том, что у мистера Дарси недостатков нет. И этим он обязан, несомненно, лишь

самому себе.

— Во мне нет подобных претензий, — возразил молодой человек. — У меня достаточно пороков, но я смею надеяться, что ни один из них не касается моего интеллекта. А вот за свой характер я, конечно, поручиться не могу. Он слишком уж неподатлив, по крайней мере, для того, чтобы мое окружение сочло его удобным. Я не могу забыть чужие глупости, оскорбления и пороки так быстро, как то должно с точки зрения света. Мало того, у меня нет, ни малейших терзаний на сей счет. Несомненно, мой характер можно назвать обидчивым: если кто-нибудь утратил в моих глазах свое доброе имя, то это уже навсегда.

— А вот это действительно недостаток! — откликнулась Лиззи. — Непримируемая обидчивость бросает тень на остальные достоинства нрава. Но вы верно обозначили собственную слабость, и поэтому я действительно не могу смеяться над ней. Считайте себя в безопасности.

— Мне кажется, что в каждой предрасположенности кроется стремление к определенному пороку. Склонность — явный признак естественной ущербности, который не в силах скрыть даже самое лучшее образование.

— А вашей ущербностью является расположенность к презиранию всех и вся.

— А вашей, — сладко улыбаясь, вторил джентльмен, — намеренное недопонимание чужих пороков.

— Давайте же немного поиграем, наконец! — воскликнула мисс Бингли, уставшая от разговора, в котором ей не было места. — Луиза, ты не будешь возражать, если я разбужу мистера Херста?

Сестра ее ничуть не возражала; инструмент был раскрыт; и Дарси после секундного колебания признался самому себе, что тоже не имеет возражений против музыки. Единственным, что сейчас его тревожило, было все более возрастающее, хотя и против его воли, собственное внимание к мисс Элизабет Беннет.

Глава 12

Вследствие соглашения между сестрами на следующее же утро Элизабет написала матери письмо, в котором просила ее выслать за ними в течение дня экипаж. Однако миссис Беннет, рассчитывая, что дочери ее пробудут в Незерфилде до следующего вторника, так чтобы получилась ровно неделя с тех пор, как там появилась Джейн, никак не могла заставить себя принять с радостью столь спешное возвращение девочек; а посему ответ ее не отличался особой благосклонностью, по крайней мере в адрес Элизабет, которой особенно не терпелось поскорее оказаться в родных стенах. В ответной записке добрая мать сухо известила дочерей о том, что повозка освободится не раньше вторника на следующей неделе, а в постскриптуме не сдержалась и добавила, что, если мистер Бингли и его сестры будут настаивать на их пребывание в поместье еще некоторое время, лично она не станет возражать против такой разлуки с горячо любимыми чадами. Что касается продления визита, то Элизабет, очевидно, не грозило выслушивать долгие уговоры хозяек дома. Впрочем, она этого и не ждала. Напротив, опасаясь, что их нежданно затянувшееся пребывание в Незерфилде может затянуться еще, она настояла на том, чтобы Джейн немедленно одолжила экипаж мистера Бингли и воплотила тем самым в жизнь их выработанный с утра план; и вскоре за этими доводами последовала столь желанная просьба мисс Беннет.

Обращение девушки к хозяину наделало большой переполох, попутно породив массу смутных беспокойств и тревог. Сказанных слов, главный смысл которых сводился к недопустимости такой спешки и уверенности в том, что, по крайней мере, до завтра никакой нужды ехать в такую даль нет, хватило бы на целый роман. Поддавшись уговорам, сестры согласились отсрочить свой отъезд до следующего утра. Такая уступчивость с их стороны явно не входила в планы мисс Бингли, которая, хоть и предложила подруге остаться,

все же была снедаема ревностью и нелюбовью к младшей, по силе своей гораздо превосходящими привязанность к старшей.

Сам мистер Бингли безмерно огорчился, услышав о том, что гости покинут поместье так скоро, и то и дело принимался увещевать Джейн отложить возвращение домой ввиду общей ее слабости после болезни. Однако Джейн была тверда как скала, особенно в тех вопросах, где, как ей казалось, она занимает единственно приемлемую позицию.

Что касается мистера Дарси, то в его душе это известие едва ли вызвало бурю чувств. По справедливости говоря, Элизабет Беннет пробыла в Незерфилде и без того достаточно долго. Она влекла его к себе больше, чем ему того хотелось бы, а мисс Бингли, прекрасно замечая это, теряла всю свою любезность и становилась язвительней, чем обычно. Молодой человек весьма здраво рассудил, что именно сейчас он обязан сдерживать малейшие проявления собственной неожиданной привязанности и что именно нынче он не вправе давать Лиззи повода думать, что она способна хоть как-нибудь влиять на его счастье; ведь, если бы такая идея получила свое развитие, ему, совершенно очевидно, пришлось бы предпринять что-нибудь весьма существенное, чтобы либо ее подтвердить, либо безжалостно разрушить. Твердо придерживаясь намеченного плана, за целую субботу он едва ли обменялся с девушкой десятком слов и, несмотря на то, что однажды их оставили вдвоем на целых полчаса, с удвоенным рвением окунулся в чтение книги, так ни разу и не подняв глаз на свою соседку.

В воскресенье сразу же после утренней службы состоялось, наконец, расставание, столь милое и приятное почти что всем. В преддверии разлуки любезность мисс Бингли по отношению к Элизабет за считанные минуты достигла небывалых высот, равно как и ее любовь к Джейн; и, когда они расстались после обильных заверений мисс Бингли в том, что она будет несказанно рада видеть их обеих будь то в Незерфилде или Лонгбурне, а также после череды самых теплых объятий, распаливших девиц настолько, что

даже на долю Элизабет выпало случайное рукопожатие, младшая из сестер, сев в повозку и облегченно вздохнув, покинула поместье в самом приятном расположении духа.

Сердечность приема, оказанного девушкам их матерью дома, не шла ни в какое сравнение с недавними проводами в Незерфилде. Миссис Беннет весьма удивил их приезд, и она не замедлила пожурить девочек за доставленные мистеру Бингли хлопоты, попутно заверив Джейн, что уж теперь-то ей точно не избежать рецидива болезни. Однако их отец, хоть и очень лаконично, искренне порадовался возвращению детей, потому как неожиданно долгая разлука с ними позволила ему прочувствовать всю их важность для семьи в целом: все разговоры в гостиной по вечерам совершенно очевидно теряли большую часть своей живости и вообще весь смысл именно из-за того, что не было Лиззи и Джейн.

Сестры застали Мэри в привычном для нее состоянии тщательного изучения басовых октав и человеческой натуры и вынуждены были одобрить несколько новых отрывков и выслушать пару угрожающих в своей непреклонности моралите. У Кэтрин и Лидии тоже накопились новости для сестер, правда, несколько иного свойства. С тех пор как они не виделись, точнее, с самой среды, в полку произошли весьма важные события: несколько офицеров отужинали вместе с дядюшкой, одного рядового высекли, и теперь ходят упорные слухи о том, что полковник Форстер собирается жениться.

Глава 13

— Надеюсь, моя дорогая, — заметил мистер Беннет жене за завтраком на следующее утро, — вы заказали стряпухе на сегодня хороший обед, поскольку у меня есть все основания предполагать, что нынче после полудня ряды нашего семейства пополнятся.

— Что вы хотите этим сказать, дорогой? Уверена, я понятия не имею, кого вы сегодня ожидаете. Разве что Шарлотта Лукас заглянет к нам по дороге; а уж для нее-то, я уверена, мои обеды вполне хороши. Скажу даже больше: сдается мне, что по сравнению с тем, что им подают дома, наша пища — райский нектар.

— Тот человек, о котором я говорю, — джентльмен и посторонний.

— Джентльмен и посторонний! — зачарованно повторила миссис Беннет, одновременно сверкая глазами. — Я просто уверена, что это мистер Бингли. Но, Джейн... Ах, отчего же ты не сказала мне ни словечка? Экая, право, скромница! Если б вы знали, как я буду рада повидаться с мистером Бингли! Но, Боже мой, как это все некстати! У нас в доме сегодня нет ни куска рыбы! Лидия, душечка, звони же скорее. Я должна дать указания Хилл немедленно!

— Но это не мистер Бингли! — стараясь перекрыть общий гвалт, воскликнул глава семейства. — Это совершенно посторонний человек, которого я никогда и в глаза не видел.

За этим заявлением последовало изумленное затишье; но уже через секунду мистер Беннет имел возможность насладиться шквалом внимания и вопросов, который выплеснули на него жена и пять дочерей одновременно. Немного потешив себя их любопытством, он, наконец, снизошел до объяснения:

— Около месяца назад я получил это письмо и уже через две недели на него ответил, так как мне показалось, что дело это весьма деликатного свойства, а потому требует незамедлительного ответа. Мне пишет племянник, мистер Коллинз, который после моей смерти,

если вдруг ему взбредет такая блажь в голову, сможет запросто всех вас выкинуть из этого дома.

— Ах, дорогой, — капризно всхлипнула его супруга, — пощадите мои нервы и не напоминайте мне о нем. Не говорите больше ничего об этом ужасном человеке. То, что ваша собственность должна быть отобрана от родных дочерей в пользу какого-то Коллинза, я воспринимаю как самую жестокую несправедливость. Кстати, на вашем месте я бы уже давно об этом задумалась и что-нибудь непременно предприняла.

Джейн и Элизабет попытались растолковать, вконец расстроенной матери основные положения майората. Следует заметить, что это было далеко не первое и уж точно не последнее объяснение; но, как только речь заходила о сущности этого закона, разум миссис Беннет словно разбивал паралич. Миледи начинала горько причитать; и единственное, что она выносила из этих разговоров, — это жестокость закона, дающего право отнять дом у пяти дочерей в пользу какого-то там родственника, до которого никому в их семье с роду не было дела.

— Разумеется, это чудовищная несправедливость, — согласился с женой мистер Беннет, — и ничто не в силах оправдать мистера Коллинза за провинность наследования Лонгбурна. Но, если вы послушаете, что он пишет в письме и как он это излагает, возможно, ваша неприязнь к моему племяннику чуть поубавится.

— Нет, ничто меня не переубедит, я уверена. И мне кажется, что с его стороны не слишком-то любезно писать вам вообще. Какое лицемерие! Я презираю таких лживых “друзей”! И отчего это он не может постоянно с вами ссориться, как это делал его родитель?

— Не сомневаюсь, как только вы ознакомитесь с содержанием письма, вы поймете, что он снедаем сыновними терзаниями.

«Хансфорд близ Вестерема, Кент, 15-ое октября.

Уважаемый сэр,

разногласия, наблюдавшиеся между вами и моим достопочтенным и ныне покойным батюшкой, причиняли мне много неудобств; и с тех пор, как нас постигла эта тяжелая утрата, меня неотступно преследует желание залечить давнюю рану на теле дружеских отношений между нашими семьями. Не скрою, некоторое время благие мои порывы сдерживали мои же собственные сомнения относительно того, не станет ли примирение с вами кощунством по отношению к памяти покойного моего родителя и, не правильной ли будет поддерживать непримиримую конфронтацию с тем, с кем при жизни батюшка оставался врагом. Тем не менее, сейчас все мои колебания остались в прошлом, поскольку, будучи посвященным в духовный сан на Пасху, я неожиданно оказался несказанно осчастливлен особым расположением высокочтимой леди Кэтрин де Бург, вдовы сэра Льюиса де Бурга, чья щедрость и добродетель столь велики, что именно мне выпала честь поселиться в превосходнейшем доме для пастора здешнего прихода, чтобы отныне по первому зову достопочтенной миледи исполнять все обряды и ритуалы, предусмотренные институтом Священной Церкви. Более того, пройдя через рукоположение и став священником, я чувствую свой долг всемерно способствовать установлению благословенного мира во всех семьях, в коих слово мое имеет влияние. В этой связи я смею надеяться, что настоящая моя попытка сделать шаг к примирению достойна похвалы и что теперь вы соизволите пересмотреть мой статус единовластного наследника Лонгбурна. Да будет щедрой рука дающего! Меня не может не терзать роль мучителя ваших славных дочерей, невольно доставшаяся мне, и теперь я нижайше прошу вашего прощения, а также спешу заверить ваше уважаемое семейство в полной своей готовности всячески способствовать вашему счастью. Если вы не станете возражать против того, чтобы принять меня в Лонгбурне, я позволю себе нанести свой визит в понедельник, 18-го ноября, в четыре пополудни, а также хотел бы просить вас о гостеприимстве до субботы, что весьма удобно мне, поскольку леди Кэтрин не имеет ни малейших возражений против

*моего редкого отсутствия по воскресеньям, если, конечно, меня может заменить на утренней службе какой-нибудь другой пастор. Сэр, непременно передавайте мой низжайший поклон вашей супруге и дочерям. С уважением, ваш вечный доброжелатель и друг,
Уильям Коллинз».*

— Таким образом, этого миротворца мы можем ожидать к четырем часам, — подвел итог мистер Беннет, вкладывая письмо в конверт. — Клянусь, похоже, он весьма справедливый и вежливый молодой человек; и поэтому знакомство с ним станет для нас действительно ценным приобретением. Дай Бог, чтобы леди Кэтрин позволила ему время от времени приезжать к нам.

— По крайней мере, то, что он пишет о наших девочках, не лишено здравого смысла. Если он действительно собирается сделать шаг к тому, чтобы они были счастливы, лично я ничего против иметь не буду.

— Хотя мне и весьма трудно предугадать, каким способом он собирается искупить свою вину, — вставила Джейн, — само его желание достаточно красноречиво и похвально.

В душе у Элизабет сейчас бушевала буря неожиданно вспыхнувшего уважения к леди Кэтрин, а также к самому мистеру Коллинзу, который по доброй воле намеревался посвятить свою жизнь крещению, бракосочетанию и отпеванию целого прихода.

— Должно быть, он большой чудак, — заметила она. — Я никак не могу понять, в чем тут дело. У него очень помпезный стиль. И что он имел в виду, говоря, что желает извиниться за то, что является полновластным наследником поместья? Ведь мы же понимаем, что даже при всем его желании он не в силах изменить положение вещей. Так неужели после этого мы вправе считать его разумным человеком, сэр?

— Нет, моя дорогая, думаю, что нет. У меня возникает сильное подозрение, что у этой медали есть и обратная сторона. Все письмо его пропитано смесью подобострастия и самоуверенности, что дает

богатую пищу для подобных подозрений. Мне определенно не терпится поскорее увидеть его.

— С точки зрения композиции, — как всегда, анализировала Мэри, — в этом письме нет изъяна. Разумеется, мысль о щедрой руке дающего не нова, и все же здесь она весьма к месту.

Что касается Кэтрин и Лидии, то им ни само послание, ни его автор не показались хоть сколько-нибудь интересными. Шансы того, что их кузен прибудет в алом мундире, равнялись нулю; а девочки вот уже несколько недель как утратили всяческий интерес к мужчинам, которые не щеголяют пурпуром. А что до их матери, то письмо мистера Коллинза в значительной степени поубавило ее негодования, и теперь она готовилась к встрече с ним с хладнокровием, сразившим наповал не только ее мужа, но и дочерей.

Мистер Коллинз оказался человеком пунктуальным и встретил в Лонгбурне безупречно любезный прием со стороны всех членов семьи. Мистер Беннет говорил мало, однако дамы выказали изрядную словоохотливость, да и сам молодой человек был не из робкого десятка и не ждал долгих уговоров, чтобы лишний раз открыть рот. Это был высокий и грузный мужчина лет двадцати пяти. Его переполняли достоинство и важность, а в манерах сквозил формализм. Промежуток между тем, когда он занял место на софе и отвесил несчетное множество комплиментов миссис Беннет и ее дочерям, оказался ничтожно мал. Ах, сколь много он слышал о достоинствах каждой из мисс Беннет, и как бледнеют слухи по сравнению с тем, что он видит наяву! Все они просто настоящие невесты! К слову сказать, его галантность резала некоторые прекрасные ушки, но миссис Беннет, которая впадала в депрессию, если долго не слышала комплиментов, отвечала родственнику с большой готовностью.

— Как вы добры, сэр. Клянусь всем святым, вы совершенно правы, заметив расположенность крошек к браку. Единственным

препятствием к их счастью я считаю лишь нашу некоторую затрудненность в средствах. Как все же странно устроен этот мир!..

— Очевидно, вы имеете в виду вопрос наследования этого поместья?

— Ах, сэ, вы совершенно правы. Вы, несомненно, согласитесь с тем, что это самый жестокий удар судьбы для моих девочек. Не поймите меня превратно: я вовсе не хочу сказать, что вижу в этом вашу вину. Вся наша жизнь строится по законам случая. Никто не может с уверенностью сказать, кому достанется поместье, когда встанет вопрос о его наследовании.

— Мадам, я полностью осознаю всю трудность положения, в котором оказались мои прекрасные кузины, и прямо сейчас мог бы изложить свое видение этой проблемы, но я не хотел бы спешить и забегать вперед. Сейчас я могу лишь заверить юных леди в том, что ехал сюда, уже будучи готовым восхититься увиденным. Больше я, пожалуй, пока ничего не скажу, но вот когда мы узнаем друг друга получше...

Его прервало приглашение к столу. Девочки переглянулись и расплылись в улыбках. Впрочем, мистер Коллинз восхищался не только ими. Объектом его восторгов стали также прихожая, столовая и все до единого буфеты, в ней стоявшие. Каждый предмет подвергся тщательному изучению и похвале. Несомненно, такие комплименты не смогли бы не затронуть сердце примерной хозяйки, если б только в душу миссис Беннет не закралось горькое подозрение о том, что молодой человек доволен предметами мебелировки исключительно с позиций будущего ее владельца. Обед также восхитил мистера Коллинза, и ему не терпелось узнать, которой из мисс Беннет он обязан этим изобилием неземных лакомств. Матери его замечательных кузин пришлось вмешаться и расставить все по своим местам. С воодушевлением и выпадом она заявила, что средства вполне позволяют им держать в этом доме первоклассного повара и что юным леди вовсе не место у котлов. Мистер Коллинз поспешил принести свои извинения за

доставленное неудовольствие. Сменив гнев на милость, хозяйка заверила того, что вовсе не чувствует себя обиженной; однако молодой человек в том уверен не был, и поэтому поток его оправданий не иссякал по крайней мере еще четверть часа.

Глава 14

За обедом мистер Беннет едва ли произнес и слово; но, как только прислуга удалилась, он счел, что настало время для разговора с гостем, и поэтому предложил тому тему, от которой, как он полагал, родственник просто обязан просить, ведь речь зашла о его патронессе. Внимание леди Кэтрин к его пожеланиям, а также неусыпная опека приходского пастора оказались весьма выдающимися. С точки зрения мистера Беннета, большего и пожелать было трудно. Сам мистер Коллинз тоже не скупился на похвалу. Предмет обсуждения распалил его настолько, что былая важность достигла заоблачных высот; и он с величайшим воодушевлением засвидетельствовал, что никогда еще в жизни не встречал такого ангельского характера у человека столь высокого положения — настоящая бездна кротости и любезности. Леди Кэтрин уже соизволила милостиво одобрить целых две литургии, которые он имел честь отслужить в ее присутствии. Кроме того, она уже дважды приглашала его отобедать в Розингсе и не далее как в прошлую субботу вечером настояла на том, чтобы он присоединился к ней за картами. Многие из тех, кого он знает, считают ее ужасной гордячкой, но лично он никогда не замечал в ней чего-либо, кроме кротости. Леди Кэтрин всегда разговаривала с ним, как с любым другим джентльменом, и не имела ни малейших возражений против того, чтобы он тесно сошелся с ближайшими соседями, а также время от времени отлучался бы из прихода на недельку-другую, дабы навестить многочисленных своих родственников. Любезность ее была столь высока, что она даже настаивала на том, чтобы он женился как можно скорее, если, конечно, у него уже есть на примете достойная партия. Однажды она уже навестила его скромный холостяцкий дом, одобрила все изменения, которые он осмелился внести в интерьеры, и даже кое-что предложила сама: этикетные очаровательные полочки в чулане под лестницей.

— Ничуть не сомневаюсь, все это весьма достойно и любезно, — согласилась миссис Беннет. — Я ничуть не сомневаюсь и в том, что она очень милая дама. Как жаль, что в большинстве своем женщины ее положения так не похожи на все, что вы описали. Она живет по соседству с вами, сэр?

— Сад, в котором расположено мое скромное жилище, отделен от Розингс-Парка — резиденции ее милости — всего лишь одной аллеей.

— Мне кажется, вы упоминали, что она вдова. Осталась ли у леди Кэтрин семья?

— У нее есть единственная дочь, наследница Розингса и весьма солидного состояния.

— Ах, — всплеснула руками миссис Беннет, — тогда она в гораздо более выгодном положении по сравнению с большинством девушек! Расскажите же нам о ней. Она хорошенькая?

— Она, несомненно, одна из самых очаровательных девушек. Леди Кэтрин сама любит повторять, что, с точки зрения действительной красоты, мисс де Бург существенно опережает самых прекрасных представительниц ее пола. Во всем ее облике безошибочно угадывается высокое происхождение. К несчастью, у нее слабое здоровье, кое не позволяет ей добиваться превосходства в некоторых из искусств. Я знаю это со слов ее гувернантки, которая до сих пор проживает вместе с ними в поместье. Но это никоим образом не сказывается на очаровании этой барышни. Я часто люблюсь ею, когда она проезжает в своем маленьком фаэтоне, запряженным парой пони, мимо моего дома.

— Она уже выезжает в свет? Я что-то не припомню ее среди леди, посещающих дворянское собрание в Лондоне.

— Хрупкое здоровье, к сожалению, препятствует ее выездам в город. Как я однажды сказал леди Кэтрин, это самое печальное обстоятельство для британского двора, поскольку он оказался лишенным одного из прекраснейших своих украшений. Ее милости совершенно очевидно понравилась моя мысль, поэтому вы

понимаете, что я счастлив при каждом удобном случае подбрасывать ей такие маленькие деликатные комплименты, неизменно льстящие любой леди. Я уже не единожды указывал леди Кэтрин на то, что ее прелестнейшая дочь рождена, чтобы быть герцогиней, и что такой высокий титул вовсе не сделал бы ей честь, а, как раз напротив, это она сделала бы комплимент этому славному сословию. Такие пустяки очень приятны ее милости. Со своей стороны я считаю личным долгом радовать достойную вдову всеми возможными способами.

— Ваши рассуждения полны здравого смысла, — не сдержался от похвалы мистер Беннет. — Какое это счастье — суметь польстить с необходимой деликатностью. Могу ли я спросить вас, являются ли эти очаровательные комплименты продуктом спонтанного вдохновения или же результатом кропотливых размышлений?

— В большинстве своем они рождаются под влиянием момента; и, хотя время от времени я и коротаю часок подбором приятных слов на случай обычный и ординарный, все же я изо всех сил стараюсь, чтобы звучали они непринужденно и свежо, как экспромт.

Ожидания мистера Беннета были полностью оправданы. Племянник его, как он и подозревал, был непроходимо глуп; и поэтому дальнейшие его рассуждения он выслушивал с безграничным наслаждением и каменным лицом, не считая того раза, когда, будучи не в силах сдержаться от распивавшего его веселья, он для поддержки бросил быстрый взгляд на Элизабет.

Позабавившись вволю, после чая мистер Беннет решил положить этому конец и был рад проводить наследника в гостиную и пригласить его к чтению вслух для дам. Мистер Коллинз не заставил себя уговаривать и с готовностью раскрыл предложенную книгу. В то же мгновение довольное выражение с его лица исчезло; он растерянно отступил назад и смущенно запротестовал, объяснив это тем, что никогда не читал романов. Китти уставилась на него, как на заморскую диковину, а Лидия не сдержалась и со свойственной ей непосредственностью прыснула в кулак. На свет были извлечены

другие тома, и после долгих колебаний выбор пал на “Наставления Фордайса”. Не успел мистер Коллинз раскрыть книгу, как Лидия широко зевнула и, едва вытерпев три страницы величавой и размеренной монотонности, с наслаждением прервала чтеца:

— Знаете, мама, дядюшка Филипс недавно намекнул, что возвращается Ричардс; и если это правда, то полковник Форстер с удовольствием примет его на службу. Об это я узнала в воскресенье от самой тетушки. Завтра собираюсь прогуляться в Меритон, чтобы разузнать об этом побольше, и заодно выяснить, когда из города вернется мистер Денни.

Старшие зашикали на сестру, но было уже поздно; и мистер Коллинз, едва скрывая смертельную обиду, не преминул высказаться:

— Очень часто я наблюдаю за тем, сколь мало заинтересованы юные леди в серьезных книгах, написанных исключительно для их же блага. Признаюсь, это забавляет меня, потому что трудно придумать что-либо более полезное для молодых созданий, чем доброе наставление. Засим не смею более докучать моей юной кузине.

Обернувшись к мистеру Беннету, Коллинз предложил себя в качестве противника в партии триктрака. Мистер Беннет принял его вызов и поступил весьма мудро, оставив девочек одних предаваться своим незатейливым радостям. Миссис Беннет с дочерьями в самых любезных выражениях извинились за вмешательство Лидии и пообещали, что подобного более не повторится, если, конечно, мистер Коллинз когда-нибудь еще вернется к оставленному чтению. Родственник, заверив всех, что не считает, будто девочкой руководил злой умысел, и что обиды, следовательно, на нее не держит, оскорбленно поджал губы, прошел за соседний стол и сел напротив главы семейства.

Глава 15

Даже с натяжкой едва ли можно было признать мистера Коллинза разумным человеком, и недостатки характера гостя с трудом сглаживались образованием и принадлежностью к свету. Большая часть его жизни прошла под зорким оком невежественного и скупого отца. Будучи вхожим в университетские круги, тот с трудом сохранял нужные знакомства и уж тем более не заводил себе новых и более интересных. Стиль воспитания, в котором рос его сын, внушил последнему покорность, которая вкупе с общей недалёковидностью и ранней перспективой неожиданного богатства с возрастом все более и более приближалась к чванству. С леди Кэтрин де Бург его свел воистину счастливый случай, когда в Хансфорде освободился приход. Уважение, которое он испытывал к знатному ее происхождению, и слишком уж очевидное его благоговение перед своей попечительницей при еще более очевидном самомнении, уверенности в профессионализме и правах, даваемых священным саном, явили свету смесь подобострастия и гордости, эгоизма и покорности.

Обзаведясь теперь хорошим домом и приличным доходом, мистер Коллинз начал задумываться о женитьбе, а потому примирение его с семейством из Лонгбурна имело далеко идущие цели; ведь, как он справедливо полагал, из целых пяти барышень вполне можно выбрать себе одну по вкусу, конечно, если они действительно недурны собой да к тому же хорошо воспитаны, как об этом трезвонила людская молва. Искупить собственную и родительскую вину за наследство Лонгбурна, облагодетельствовав одну из этих очаровательных кузин, — отличный план, превосходный план, удобный и беспрюграмный, исключительно щедрый и бескорыстный план.

Мистер Коллинз не изменил своих начальных намерений, повстречавшись с самими соискательницами счастья в его лице.

Джейн оказалась мила собой и соответствовала его твердым убеждениям о том, какой следует быть матери семейства; и в самый первый вечер его выбор пал на нее. Тем не менее, уже следующее утро внесло свои поправки в сложившиеся намерения; так как в беседе с миссис Беннет, которая длилась около четверти часа, диалог, начавшийся с описания его пасторского дома, совершенно естественным образом перетек к оглашению его же надежд отыскать именно в Лонгбурне подходящую партию, на что миссис Беннет, обильно сдабривая обтекаемые фразы двусмысленными улыбками, разразилась пространной и не вполне ясной речью, смысл коей, впрочем, трудно было истолковать иначе: она явно отговаривала мистера Коллинза от той, на которой он остановил свой выбор, — от Джейн. Что касается второй дочери, то тут миссис Беннет ни за что поручиться не могла, так как ничего не знала о ее планах, а потому не стала брать на себя смелость отвечать за Элизабет; но вот старшая, судя по ее же намекам, вскорости собиралась объявить о своей помолвке.

Делать было нечего, и мистеру Коллинзу пришлось обратить свой взор на Элизабет, которая тоже была хороша, что почти исключало муки выбора и горечь сомнений. Фактически молодой человек примирился со своей судьбой даже на пару минут раньше, чем миссис Беннет удалось развести огонь в камине. Итак, Лиззи, стоявшая после Джейн по возрасту и красоте, совершенно натурально наследовала положение старшей.

Миссис Беннет высоко оценила намек и высказала предположение о том, что, вполне вероятно, скоро ей придется выдавать замуж сразу двух девочек; и отныне человек, одно упоминание о котором еще день назад наводило на нее ужас и тоску, теперь оказался явным фаворитом.

О намерении Лидии прогуляться в Меритон не забыли, и каждая из сестер, за исключением Мэри, согласилась составить ей компанию. По настоянию мистера Беннета, жаждавшего поскорее избавиться от неприятного гостя, всю эту маленькую процессию

должен был сопровождать мистер Коллинз. Дело в том, что этим утром мистер Коллинз сразу же после завтрака счел своим долгом проследовать за хозяином в библиотеку и почти тотчас же достал с полки один из самых внушительных томов, который непонятно зачем ему был нужен, потому что большинство времени он досаждал мистеру Беннету, разглагольствуя о доме и саде в Хансфорде. Такое начало дня безмерно огорчило почтенного джентльмена. Свою библиотеку в душе он всегда считал храмом безделья и удовольствий; и, как однажды он сам признался Элизабет, хотя и был готов к встрече с чванством и невежеством в любой из комнат дома, свой угол он расценивал как заповедник. В силу этих причин настойчивость его соперничала с любезностью, когда он заверял мистера Коллинза в полной необходимости сопровождения девушек. Мистер Коллинз, гораздо более подходивший на роль пешехода, чем читателя, несказанно обрадовался возможности закрыть свою книгу и покинуть хозяина дома.

Время в пути от Лонгбурна до Меритона было отмечено пустой напыщенностью с его стороны и любезным согласием со стороны девушек. Как только вся компания прошла через городские ворота, внимание младших мистеру Коллинзу более не принадлежало. Их прекрасные глаза немедленно принялись осматривать улицы в поисках милых сердцу алых мундиров; и ничто на свете, за исключением, может быть, действительно потрясающей шляпки или совсем уж модного муслина в витрине галантерейной лавки, не могло помешать их сосредоточенным поискам.

Однако вскоре, вопреки всем законам природы, внимание не только младших, но и старших оказалось сосредоточенным на молодом человеке, которого раньше ни одна из них здесь не видела. Он степенно прогуливался с каким-то офицером по другой стороне улицы. Последний оказался тем самым мистером Денни, по вине которого Лидия так оплошала в глазах мистера Коллинза. Поравнявшись с девушками, молодой человек почтительно кивнул.

Однако воображение каждой из девиц поразило совсем не это, а вид незнакомца; и Китти с Лидией, вознамерившись во что бы то ни стало раскрыть эту жгучую тайну, решительно пересекли улицу, сделав вид, будто рассмотрели что-то в магазине напротив, и так удачно совершили этот маневр, что ступили на тротуар именно в тот момент, когда оба джентльмена, чуть раньше развернувшись обратно, столкнулись с барышнями нос к носу. Мистер Денни обратился к знакомым без лишних церемоний и сразу же попросил разрешения представить своего приятеля, мистера Уикема, который накануне вернулся вместе с ним из города и, что самое главное, уже получил место в их части. Следует заметить, что именно этого последнего штриха в виде золоченой кокарды и не доставало в портрете незнакомца, чтобы его можно было назвать сногшибательно прекрасным. Создатель наградил его редкой красотой, очаровательным цветом кожи, головокружительно стройной фигурой и самыми похвальными манерами. Молодой человек с готовностью поддержал разговор, последовавший за представлением; и так мило они беседовали до тех пор, пока до их слуха не донесся топот конских копыт и вскоре не показалась пролетка, в которой сидели Дарси и Бингли. Заприметив знакомых дам, молодые люди напрямик направились к ним и завели обычную речь с привычными любезностями. Бингли был главным оратором, а Джейн — основным адресатом его красноречия. Как следовало из его слов, сейчас они направлялись в Лонгбурн именно за ней. Мистер Дарси подтвердил это легким кивком и, вознамерился было сосредоточиться на чем-нибудь, помимо Элизабет, как вдруг неожиданно заметил незнакомца. Тот тоже ответил ему взглядом, и удивление сверкнуло в двух парах глаз, подобно вспышке молнии. У обоих изменился цвет лица: один побледнел, второй стал густо-красным. После секундного замешательства мистер Уикем дотронулся до шляпы в знак приветствия, и Дарси снизошел до того, чтобы ответить ему тем же. То, что все это могло значить, невозможно было понять, но и невозможно было не желать узнать.

Еще через минуту мистер Бингли, не заметивший, похоже, что случилось, распрощался и вместе с другом отбыл.

Мистер Денни и мистер Уикем проводили девушек до самой двери дома мистера Филипса, раскланялись и, несмотря на настоятельные уговоры младших Беннет зайти и даже несмотря на приглашения самого мистера Филипса, которые он громко выкрикнул им из распахнутого окна гостиной, удалились.

Миссис Филипс всегда была рада племянницам, и обе старшие ввиду долгого отсутствия стали особенно желанными гостями. Добрая женщина охотно заявила им об этом, несказанно радуясь визиту и одновременно оправдывая собственную к нему неготовность тем, что не видела их экипажа. Кроме того, если бы не встреча с посыльным из аптеки мистера Джонса, она бы так и продолжала отправлять лекарства в Незерфилд. Джейн представила тетке мистера Коллинза. Дама приняла его со всею возможной любезностью и была вознаграждена им сторицей, попутно получив извинения за неожиданное вмешательство без предварительного знакомства, кое, возможно, имеет право быть прощенным в силу родства между ним и этими очаровательными юными созданиями. Миссис Филипс оказалась несколько напуганной явным избытком хорошего воспитания, но ее изучению одного незнакомца вскоре положили конец, засыпав расспросами о другом, о котором она могла сообщить племянницам лишь то, что знала: мистер Денни привез его с собой из Лондона, и он должен получить чин лейтенанта в одном из графств. По ее признанию, она наблюдала за ним весь последний час, когда тот прогуливался по их улице; и, если бы мистер Уикем продолжил свой променад, Китти и Лидия, несомненно, составили бы тетушке компанию; но, к несчастью, сейчас под окнами никого не было, не считая нескольких офицеров, которые в отличие от незнакомца стали вдруг “глупыми и неприятными мужланами”.

Некоторые из них, кстати, были приглашены к Филипсам на завтрашний обед; и по этому случаю тетка клятвенно заверила

девушек в том, что непременно попросит супруга пригласить и мистера Уикема, если, конечно, родня из Лонгбурна тоже сможет посетить их вечером. На том и порешили; и миссис Филипс пообещала девочкам, что они очень мило проведут вечер, сыграв немного в милую шумную карточную лотерею, а потом слегка перекусят чем-нибудь горячим. Перспектива такого увеселения казалась очаровательной, и обе семьи расстались в превосходнейшем расположении духа. Никак не решаясь покинуть гостиную, мистер Коллинз снова и снова приносил свои извинения и еще добрых четверть часа выслушивал заверения в том, что они совершенно излишни.

По дороге домой Элизабет поделилась с Джейн своими наблюдениями за странным поведением молодых людей; и, хотя та была склонна защищать всех и вся, она не могла предложить более разумных объяснений их молчаливой стычке, чем ее сестра.

По возвращении в Лонгбурн мистер Коллинз поспешил пролить бальзам на сердце миссис Беннет, рассыпавшись в похвалах в адрес ее сестры. Он высказал предположение, что, кроме леди Кэтрин и ее милой дочери, никогда не встречал более элегантной женщины, чем миссис Филипс, поскольку она не только приняла его самым любезным образом, но и с радостью включила его, несмотря на то, что едва была с ним знакома, в список приглашенных на завтрашний вечер. Молодому человеку казалось, что в его отношения с родственниками можно было бы добавить кое-что еще, но справедливости ради надо признать, что и так никогда еще в жизни его не окружали такой заботой и теплотой.

Глава 16

Поскольку никаких препятствий на пути к соглашению между молодыми людьми и тетушкой Филипс не возникло и все многочисленные извинения мистера Коллинза перед четой Беннетов за единственный вечер, который он проведет вне их гостеприимного дома во время своего визита, были встречены ответными пожеланиями вволю повеселиться, экипаж доставил его и пять кузин в Меритон в назначенный час; и девушки, не успев ступить на порог гостиной, были неслыханно обрадованы, узнав, что мистер Уикем не только принял приглашение дядюшки, но и даже уже прибыл лично.

Как только новость прозвучала и все расселись по местам, мистер Коллинз, не зная, чем себя занять, огляделся вокруг и принялся привычно восхищаться, будучи столь пораженным размерами комнат и мебели. Прежде всего, он заявил, что чувствует себя словно в маленькой летней столовой в Розингсе. Этот комплимент оценили вовсе не сразу; но, как только миссис Филипс уяснила для себя, что же такое этот Розингс и кто его владелец, и прослушала подробное описание гостиной и даже каминной полочки, которая одна только стоит восемьсот фунтов, она окончательно прониклась грандиозностью похвалы, а потому была бы рада сравнению ее апартаментов даже с комнатой для прислуги леди Кэтрин.

Время радостно и незаметно шло в описании Коллинзом величия леди Кэтрин и ее дома с редкими отступлениями от темы, чтобы воздать должное и своему скромному жилищу, а также тем изменениям к лучшему, которые нынче в нем проводились, до тех пор, пока в гостиной, наконец, не появились остальные джентльмены. В миссис Филипс молодой человек нашел благодарного слушателя, у которого мнение о своем новом знакомом возросло пропорционально каждой дюжине фраз, им произнесенных, и который уже занял исходную стойку, чтобы при первой же возможности броситься по друзьям и соседям и поведать

тем об услышанном. Тем временем девушкам, в целом уже прекрасно знакомым с содержанием любого из комплиментов мистера Коллинза, ничего не оставалось делать, кроме как скучать и тихо мечтать об инструменте или в крайнем случае разглядывать имитации китайского фарфора, выставленные на каминной полочке. Тем не менее, ожидание не могло длиться бесконечно, и вскоре в анфиладе послышались голоса мужчин. Как только мистер Уикем показался в комнате, Элизабет, подняв на него взгляд, сама себе призналась в том, что с момента последней встречи не вспоминала о нем совершенно, а единственным ее грехом было не совсем рациональное восхищение его внешностью накануне. Остальные офицеры оказались мужчинами вполне приятными, с манерами, как у джентльменов; однако мистер Уикем стоял по сравнению с ними недостижимо высоко и по красоте, и по походке, точно также, как и сами офицеры могли дать фору замыкавшему шествие широколицему коренастому мистеру Филипсу, пахнувшему портвейном.

Мистер Уикем был счастливым мужчиной, вслед которому оборачивались все встречные дамы, а Элизабет – счастливой девушкой, рядом с которой франт и уселся. Милые манеры, с которыми он немедля затеял с ней разговор, касавшийся, впрочем, всего лишь чрезмерно сырой ночи и приближения сезона дождей, заставили ее уверовать в то, что самые банальные, обычные и скучные темы в устах мастера становятся на удивление увлекательными.

На фоне таких соперников по замечанию прекрасного во всем окружающем, как мистер Уикем и офицеры, мистер Коллинз в роли собеседника окончательно утратил всякую значимость и привлекательность. Для юных леди он совершенно естественно перестал существовать, но при этом продолжал время от времени злоупотреблять вниманием миссис Филипс, которая умудрялась не только тешить его самолюбие, но и следить за тем, чтобы в чашке его не кончался кофе, а в тарелке дымилась горячая сдоба.

Когда вся компания переместилась за карточные столы, мистеру Коллинзу представился шанс отблагодарить хозяйку дома — сесть с ней за партию в вист.

— Я уже и позабыл, как играть в эту игру, — признался мистер Коллинз, — но с вашей помощью надеюсь исправиться, потому что в нынешнем моем положении...

Миссис Филипс была весьма ему признательна за уступку, но ждать объяснений по поводу его нынешнего положения у нее не было времени.

Мистер Уикем в вист не играл, и поэтому его с удовольствием приняли за соседним столом, усадив между Элизабет и Лидией. Поначалу возникли опасения, будто Лидия установит монополию на красавца, потому как в красноречии равных ей не было; однако страсть барышни к разговорам по силе своей вполне могла сравниться со страстью объекта ее красноречия к лотерее; и поэтому ей пришлось в спешном порядке увлечься игрой, и в этом она преуспела настолько, что энтузиазм ее в назначении призов и выкрикивании победителей не оставил без внимания ни одного из присутствовавших. По ходу игры мистер Уикем охотно болтал с Элизабет, и она внимательно его слушала, хотя то, о чем ей действительно хотелось узнать, а именно об истории его знакомства с мистером Дарси, имело самые ничтожные шансы быть озвученным в этом ни к чему не обязывавшем разговоре. Она не смела намекнуть ему о своем любопытстве, однако завеса над тайной совершенно неожиданно приоткрылась: мистер Уикем спросил, как далеко расположен Незерфилд от Меритона и как долго там гостит мистер Дарси.

— Уже около месяца, — ответила ему Элизабет и, не желая бросать на этом тему, добавила: — Он один из самых состоятельных людей в Дербишире, если я правильно понимаю.

— Да, это так, — согласился молодой человек. — У него очень обширное поместье и чистого дохода десять тысяч в год. Вам едва ли удалось бы сыскать человека более об этом информированного,

чем я, потому что с самого детства я был очень близко связан с его семьей.

Элизабет не удалось скрыть своего изумления.

— Мне вполне понятно ваше удивление, мисс Беннет, особенно если вы, быть может, заметили, как холодна была наша вчерашняя встреча. А вы сами хорошо знаете мистера Дарси?

— Более чем достаточно! — насмешливо воскликнула Элизабет. — Я провела в одном с ним доме целых четыре дня, и после этого у меня не осталось и тени сомнения в том, что он очень неприятный человек.

— Боюсь, я не вправе оглашать вам свое мнение на сей счет, — тяжело вздохнул мистер Уикем. — Мои принципы не позволяют мне этого сделать. Я знаю его слишком давно и слишком хорошо, чтобы стать справедливым судьей. Я не могу не быть заинтересованным. Но, сдается мне, в целом ваша оценка не может не удивить; и, наверное, вы не осмелились бы так открыто заявить об этом где-либо еще, ведь здесь вы в кругу своей семьи.

— Клянусь вам, что не сказала ничего такого, что я не смогла бы повторить в любом другом доме по соседству, за исключением разве что Незерфилда. В Хертфордшире его никто не любит. Всем омерзительна его гордыня. Едва ли вы встретите кого-нибудь, кто отзовется о мистере Дарси более лестно, чем это только что сделала я.

— Не стану притворяться, будто мне тяжело слышать, — признался мистер Уикем, — когда ему или кому-либо другому воздают по заслугам; однако мне кажется, что с *ним* это случается непозволительно редко. Свет ослеплен его богатством и положением либо напуган импозантными манерами, поэтому видит его только таким, каким ему хочется себя показать.

— Даже при всей небольшой продолжительности нашего знакомства я с уверенностью могу утверждать, что характер у него самый неприятный.

Уикем только горько покачал головой.

— Интересно, — размышлял молодой человек вслух, — как долго он еще собирается пробыть в этих местах?

— Не имею ни малейшего представления; но когда я гостила в Незерфилде, то ничего не слышала о том, чтобы он собирался покинуть наше графство. Надеюсь, ваши планы относительно поступления на службу не будут нарушены его пребыванием по соседству.

— О нет! Никакой мистер Дарси не заставит меня уехать отсюда. Если он не желает встречаться со мной, то пусть убирается сам. Мы вовсе не дружны, и мне всегда больно его встречать; однако, избегая его, я все же не в силах укрыться от того, что стоит за ним и ему подобными по всему свету: от беззастенчивого эгоизма и злословия. Его отец, мисс Беннет, покойный мистер Дарси, был одним из приятнейших смертных и самым близким моим другом. Даже сейчас я не могу вспоминать об *этом* мистере Дарси без того, чтобы не скорбеть о душе в тысячу раз более милой и дорогой. Отношения младшего ко мне порой носили откровенно скандальный характер; но я уверен, что могу простить ему любой грех, но только не разочарование его дорогого отца и попрание все его надежд.

Элизабет почувствовала, что ее интерес к этой теме растет как на дрожжах, и поэтому слушала собеседника, затаив дыхание; однако мистер Уикем, похоже, сказал все, что хотел, а собственная деликатность ей не позволила продолжить расспросы.

Сейчас мистер Уикем перешел к более общим темам: Меритон, соседние семьи, местное общество... Все это очень его порадовало, особенно последнее обстоятельство, о котором он распространялся с весьма тонкой галантностью.

— Я ожидал найти здесь общество стабильное и приятное, — доверительно делился он, — и поэтому с радостью принял назначение в эти места. Я знаю, что наш полк снискал себе славу как вполне респектабельный и популярный, и мой друг Денни все-таки соблазнил меня прекрасными меритонскими квартирами и отличными связями в здешних кругах. Мне кажется, я и дня не

проживу без светского общества. В этой жизни меня постигло столько утрат и разочарований, что душа моя не вынесла бы одиночества. Я должен иметь чин и компанию. Я никогда не собирался становиться военным, но обстоятельства распорядились иначе. Моим призванием должна была стать Церковь – так меня воспитали; и к этому времени я мог бы уже вести жизнь размеренную, достойную, полную благого смысла, если бы не вмешательство того человека, о котором мы с вами только что говорили.

– Неужели?!

– Да. Покойный мистер Дарси завещал мне дар, нацеленный на жизнь лучшую, чем эта. Он был моим крестным, и всю свою жизнь я получал от него добрые наставления. Нет, право, оценить его доброту в полной мере решительно невозможно. Добрый джентльмен намеревался полностью обеспечить меня, чтобы я ни в чем не знал нужды; но увы, как только жизнь его оборвалась, обещанное попало в чужие руки.

– Боже праведный! – испуганно выдохнула Элизабет. – К кому же? Кто мог пренебречь его завещанием? И почему вы не требовали того, что принадлежит вам по закону?

– В формулировку завещания закралась случайная неточность, лишившая меня всякой надежды получить завещанное мне законным путем. Человек чести, разумеется, ни на секунду не усомнился бы в намерении покойного, но мистер Дарси воспользовался этим обстоятельством и заявил, что я выдвигаю претензии из экстравагантности, вздорности и стесненности в средствах. Капитал этот освободился ровно два года назад, как раз тогда, когда я вступил в возраст, позволявший мне распоряжаться наследством, но его отдали другому. Я буду с вами предельно откровенен: я не совершил ничего такого, чтобы заслужить подобную несправедливость. У меня приветливый и доверчивый нрав; и, быть может, единственным моим проступком можно считать то, что я слишком часто беседовал о нем и с ним. А больше за мной

вины нет. Так уж сложилось, что мы с ним совершенно разные люди, и он меня ненавидит.

— Какой ужас! Он действительно заслуживает публичного порицания.

— Рано или поздно, но это случится. Нисколько не сомневаюсь. Вот только орудием возмездия буду не я. Во мне еще слишком жива память о его отце, чтобы я мог разоблачить мистера Дарси и бросить ему открытый вызов.

Элизабет благоговейно кивнула головой в знак полного согласия, а заодно подумала, что этот молодой человек действительно достоин всяческого восхищения. После небольшой паузы она продолжила свои расспросы:

— Но каковы, по-вашему, его мотивы? Что могло вынудить его поступить столь бесчестным образом?

— Безоговорочная ненависть ко мне, ненависть, происхождение которой до некоторой степени я могу объяснить лишь ревностью. Коль скоро покойный его батюшка любил бы меня не так беззаветно, сын не относился бы ко мне столь предвзято. Но мистер Дарси действительно души во мне не чаял, чем, как я теперь понимаю, вызывал раздражение в своем отпрыске с самых ранних лет. Не в его характере проигрывать в таких соревнованиях, а победа неизменно доставалась мне.

— Даже я не могла предположить такое коварство в мистере Дарси, хотя он мне и не понравился с самого начала. Мне казалось, что он просто презирает весь свет в целом, но я не подозревала, что он способен на такую жестокую месть, на такую несправедливость и бесчеловечность!

Рассеянно помолчав пару минут, она продолжила:

— Я прекрасно помню, как однажды в Незерфилде он хвастался своей неумолимостью в принятии решений и непримиримым характером. Какой все же ужасный у него нрав!

— Не мне об этом судить, — смиренно отозвался Уикем. — Едва ли я могу воздать ему по справедливости.

Элизабет снова глубоко задумалась и через некоторое время воскликнула:

— Это ж надо — так обойтись с крестником, другом и любимцем своего отца! Мало того, с человеком, которого знает с раннего детства и который, судя по вашим словам, всей душой был ему предан!

— Мы родились в одном и том же приходе. Дома наши разделял лишь парк, и вся наша юность прошла бок о бок. Фактически мы были обитателями одного и того же дома, делили общие развлечения, и батюшка его одинаково любил нас обоих. Мой родной отец начинал с той же профессии, что и ваш уважаемый дядюшка Филипс, но он бросил все, чтобы верой и правдой служить покойному мистеру Дарси и посвятил свою жизнь заботам о Пемберли. В благодарность за преданность мистер Дарси стал его самым близким и сердечным другом. Покойный часто говаривал, что не в силах оценить по достоинству все деяния моего родителя; и непосредственно на смертном одре он по доброй воле обещал моему батюшке позаботиться обо мне, потому что, я уверен, добрый джентльмен чувствовал себя обязанным моему отцу в ничуть не меньшей степени, чем мне.

— Как странно! И как омерзительно! Я поражаюсь, как та самая гордыня не подвигла мистера Дарси на справедливый шаг по отношению к вам! Пожалуй, в этом читается уже не гордыня, но бесчестье.

— Действительно странно, — согласился Уикем, — потому что за всеми его действиями угадывается влияние гордыни. Именно она всегда была его лучшим другом. Она, как никакое другое чувство, приблизила его к добродетели. Но человек по природе своей падок, и в его поведении по отношению ко мне обнаружили импульсы несравненно более сильные, чем гордость.

— То есть вы хотите сказать, что такая раздутая гордость когда-то могла сослужить ему добрую службу?

— Вот именно. Зачастую именно гордость вела его к свободе от предрассудков и душевной щедрости. Он с легкостью жертвовал деньги, был гостеприимен, помогал своим арендаторам и деревенской бедноте. В нем жила фамильная гордость, сыновняя гордость за добрые начинания своего родителя. Согласитесь, это сильный мотив: не обесчестить семью, не растратить любовь народа, не потерять влияния на жителей Пемберли. В нем, я верю, до сих пор жива и братская гордость, которая вместе со своего рода родственной привязанностью делает его крепкой опорой сестре. Не сомневаюсь, вы не раз еще услышите молву о том, что он самый лучший из всех братьев, каких только можно пожелать.

— А что представляет собой его сестра?

Уикем печально покачал головой.

— Как жаль, что я не могу назвать ее девушкой приятной. Мое сердце обливается кровью, когда я вынужден говорить неприятные вещи о любом из Дарси. Но она действительно слишком похожа на своего брата — та же самая безмерная гордыня. В детстве она была милым и приветливым ребенком, который безумно меня любил. Бывало, я развлекал ее долгие часы напролет. Но теперь это все в прошлом, и для меня она умерла. Сейчас это красивая барышня. Ей должно быть лет пятнадцать-шестнадцать, и она вполне изысканна. Со дня смерти отца мисс Дарси большую часть времени проводит в Лондоне вместе с гувернанткой.

После многих пауз и долгих расспросов Элизабет не могла не вернуться к начальному предмету обсуждения:

— Как я удивлена его близкой дружбе с мистером Бингли! Как может мистер Бингли с его ангельским характером и действительно приятными манерами быть в дружеских отношениях с таким чудовищем? Как находят они общий язык? Вы знакомы с мистером Бингли?

— Не имел чести.

— Он очень мил и кроток. Очаровательный молодой человек. Должно быть, он попросту еще не раскусил мистера Дарси.

— Скорее всего, так оно и есть. Мистер Дарси способен очаровать любого, кого ему вздумается. В этом ему ловкости не занимать. Он способен быть замечательным собеседником, если только сочтет, что это ему нужно. Однако, несмотря на то, что он дружески обходится с равными себе по положению, с людьми более бедными он ведет себя совершенно иначе. Гордыня его никогда не дремлет, но с богатыми он справедлив, честен, рационален, почтителен, и не исключено, что даже мил. Конечно, в зависимости от размеров состояния и положения собеседника.

Тем временем партия в вист завершилась, и игроки подтянулись к соседнему столу. Мистер Коллинз занял место между кузиной Элизабет и миссис Филипс. Последняя, как всегда, поинтересовалась, каковы у молодого человека достижения. Успехи его оказались неважными, и он проиграл все, что мог. Однако, как только миссис Филипс начала было причитать и охать, он с каменным лицом заверил ее, что это сущие пустяки и что деньги — тлен, а потому у хозяйки приема совершенно нет поводов для малейшего беспокойства.

— Мне доподлинно известно, мадам, что каждый, садясь за карточный стол, не может исключить вероятность проигрыша. По счастью, я нахожусь не в том положении, чтобы терзаться из-за каких-нибудь пяти шиллингов. Не сомневаюсь, в мире есть много людей, для которых такое поражение стало бы настоящим ударом; но благодаря леди Кэтрин де Бург сейчас я вознесся высоко над нуждой волноваться из-за подобных пустяков.

Слова эти привлекли к себе внимание мистера Уикема. После того, как он некоторое время внимательно разглядывал мистера Коллинза, молодой человек наклонился к Элизабет и шепотом спросил девушку о том, неужели ее родственник столь близко знаком с леди де Бург.

— Леди Кэтрин де Бург, — отозвалась та, — не так давно пожаловала ему приход. Я почти ничего не знаю о том, как впервые

состоялась встреча мистера Коллинза с этой дамой, но он, несомненно, знаком с ней совсем недавно.

— Но вы, конечно же, знаете, что леди Кэтрин де Бург и леди Анна Дарси были родными сестрами и, таким образом, благодетельница вашего кузена является теткой мистера Дарси?

— Ах нет же, конечно, я этого не знала! Я вообще ничего не знаю о связях этой леди Кэтрин. До позавчерашнего дня я и не слышала о ее существовании.

— Ее дочь, мисс де Бург, унаследует огромное состояние, и молва сходится на том, что она объединит свои капиталы с владениями своего кузена.

Эта новость заставила Элизабет улыбнуться при мысли о бедной мисс Бингли. Все ее маневры были не чем иным, как тщетой, суетной тщетой, полностью бесполезной и безнадежной. Ее избранник посвятил себя другой!

— Мистер Коллинз, — заметила мисс Беннет, — очень лестно отзывается об обеих, мисс и миссис де Бург; но из некоторых деталей его рассказа я прихожу к выводу о том, что в благодарности своей к покровительнице он заблуждается: несмотря на всю ее нынешнюю щедрость, она показалась мне женщиной тщеславной и самонадеянной.

— Сдается мне, вы совершенно правы, — согласился Уикем. — Я не видел ее уже много лет, но отлично помню свою неприязнь к ней, потому что манеры ее всегда были властными и оскорбительными. Вокруг нее сложилась репутация дамы весьма разумной и дальновидной, но я уверен в том, что большей частью своих достоинств она все же обязана главному из них — несметному богатству, а также авторитарности характера и гордыни племянника, который выбирает себе только тех друзей, какие не сомневаются в достоинствах всего, что составляет его жизнь.

Такое объяснение Элизабет сочла весьма разумным; и в этой беседе они провели время до самого ужина, звонок к которому положил конец не только их разговору, но и игре в карты. Теперь

наконец-то остальные леди также могли насладиться вниманием мистера Уикема. Продолжать диалог в невообразимом гвалте, который сопровождал ужин в доме миссис Филипс, было решительно невозможно; но очарование манер молодого человека оказалось столь велико, что оно безошибочно угадывалось даже в такой обстановке. Что бы ни слетало с его уст, каждое слово было преисполнено изяществом, и каждое движение дышало умопомрачительной грацией. Возвращаясь домой, Элизабет была не в силах выбросить его из головы. Ей не думалось ни о чем, кроме мистера Уикема и его повести; но ей так ни разу и не выпал шанс даже произнести его имя, потому что всю дорогу домой ни Лидия, ни Джейн ни на секунду не закрывали рта. Младшая непрестанно рассказывала о лотерее и о своих победах и поражениях. Мистер Коллинз, многократно выразив благодарность в адрес мистера и миссис Филипс, с завидным энтузиазмом извергал на головы родственниц бурные потоки своих наблюдений: полный список блюд в строгой последовательности их подачи к столу и собственный пустячный проигрыш в вист. Несомненно, речь его на том ни за что бы не иссякла, если б в это время карета не остановилась напротив дома в Лонгбурне.

Глава 17

Только на следующий день Элизабет удалось передать Джейн все, что сообщил ей мистер Уикем. Сестра выслушала ее рассказ с удивлением, а потом задумалась. Ей не верилось в то, что мистер Дарси столь недостоин мистера Бингли; и все же не в ее правилах было подвергать сомнению слова такого милого человека, как мистер Уикем. Сам тот факт, что этот юноша перенес подобные лишения, вполне был способен заронить жалость в ее отзывчивое сердце; и поэтому ей ничего не оставалось, кроме как проникнуться сочувствием к ним обоим, оправдать поведение каждого, а все, что не укладывалось в разумные объяснения, списать на досадную ошибку и случай.

— Их обоих, я уверена, — заявила девушка, — так или иначе жестоко обманули. Как это случилось, нам узнать, скорее всего, не дано. Не исключено, что третья заинтересованная сторона просто неверно интерпретировала факты. Короче говоря, у нас нет никакой возможности выяснить всех причин и обстоятельств, которые сделали их врагами, и поэтому обвинять, кого бы то ни было мы не вправе.

— Весьма справедливое суждение. Но, милая моя Джейн, что ты можешь сказать о той самой заинтересованной стороне, которая приложила к этому делу свою руку? Ты определенно должна оправдать и ее, ведь иначе наше мнение об этом неизвестном лице должно окончательно испортиться.

— Ты можешь смеяться сколько тебе угодно, но это ни капли не повлияет на мою позицию. Славная моя Лиззи, ты только подумай, в каком ужасном свете вся эта история выставляет бедного мистера Дарси. Обойтись, таким образом, с любимцем своего отца, о котором тот перед самой смертью поклялся позаботиться! Это решительно невозможно. Ни один смертный, ни один уважающий себя человек не способен на такое злодеяние. Так неужели

подобное могло бы произойти из-за самого близкого друга? Нет, я в это ни за что не поверю.

— Я с гораздо большей легкостью могу поверить в то, что мистер Бингли введен в заблуждение, чем в то, что мистер Уикем придумал эту леденящую душу историю, просто чтобы позабавить меня вчера вечером. Имена, факты, события... Все это мистер Уикем перечислял совершенно без натяжки и свободно. Если что-нибудь не так, пусть сам мистер Уикем это опровергнет. Но даже в самом его взгляде читалась кристальная честность.

— Да, в этом деле столько всего непонятного и угнетающего! Ума не приложу, что и подумать.

— Прошу прощения, но мне кажется, что есть все же кто-то, кто знает, что обо всем этом следует думать.

При этом предположении Джейн на ум пришел только мистер Бингли, который, коль скоро он, конечно, был обманут, непременно пострадает, если этот скандал обретет публичный характер.

Барышни вынуждены были покинуть аллею, в которой состоялся весь этот разговор, когда слышали о прибытии тех самых персон, кои ими только что обсуждались. Мистер Бингли с сестрами лично доставили приглашения на долгожданный бал в Незерфилде, который назначили, наконец, на следующий вторник. Обе гостьи несказанно обрадовались новой встрече с Джейн и тут же заявили, что прошла целая вечность со дня их последнего свидания; после чего принялись с похвальной частотой интересоваться, что такое она поддывала с тех пор, как они расстались. Остальных членов семьи они удостоили весьма незначительным вниманием. Миссис Беннет дамы сторонились всевозможными способами, в избегании Элизабет были уже не столь усердны, а младших сестер не замечали вовсе. Через какую-нибудь четверть часа барышни уже покидали их и усаживались в пролетку с прытью, немало удивившей мистера Бингли. Совершенно очевидно, сестры торопились сбежать от любезностей миссис Беннет.

Новость о бале в Незерфилде пришлась по душе всем дамам Лонгбурна без исключения. Миссис Беннет хотелось полагать, что прием состоится в честь ее старшей дочери. Ей безмерно льстило то, что приглашение передал лично мистер Бингли, вместо того чтобы всего лишь вручить карточку. Воображение Джейн живо нарисовало ей картину приятного вечера, который она проведет в компании двух своих подруг рядом с их очаровательным братом. Элизабет с огромным удовольствием предвкушала вечер, полный танцев с мистером Уикемом; а кроме того, она ждала и жаждала найти подтверждение ужасной правде в глазах и поведении мистера Дарси. Счастье, которое предчувствовали Лидия и Кэтрин, в гораздо меньшей степени основывалось на каком-то отдельном событии или конкретном человеке, хотя каждая из них и намеревалась, подобно Элизабет, минимум половину вечера протанцевать с мистером Уикемом; и все же девушек один лишь этот мужчина удовлетворить решительно не мог, и бал в любом случае был балом. Даже тихоня Мэри заверила семейство в том, что не имеет ничего против праздника.

— Покуда мне ни с кем не приходится делить свое утро, — заверила девица, — я вполне счастлива и довольна. Мне кажется, с моей стороны это не самая большая жертва — иногда выезжать в свет. Общество имеет равные притязания к нам всем. Лично я отношусь к той породе, которая знает разницу между делом и потехой, предпочитая первое последнему.

Элизабет пребывала в таком прекрасном расположении духа, что даже время от времени позволяла себе вольность без нужды обращаться к мистеру Коллинзу. Ей не терпелось узнать, принял ли он приглашение мистера Бингли и если да, то подобает ли ему с его нынешним саном такая непринужденность поведения; и девушка с изумлением обнаружила, что по этому поводу у ее кузена не возникает ни малейших сомнений и что за пару танцев грядущим вечером он отнюдь не боится порицания будь то со стороны архиепископа или леди де Бург.

— Уверяю вас, — говорил он, — что я нисколько не думаю, будто подобный бал, который дает человек уважаемый и достойный, а также вполне приличное окружение могут знаменовать собой какую-нибудь непристойность. Мало того, я настолько далек от мысли, будто мне не подобает танцевать, что льщу себя надеждой на то, что во время приема мне окажет честь каждая из моих очаровательных кузин; и, пользуясь случаем, мисс Элизабет, я спешу попросить вас о чести обещать мне первых два танца. Насколько я понимаю, старшая моя кузина Джейн уже знает, кому сделать такой подарок, и я надеюсь, впоследствии она об этом не станет сожалеть.

Элизабет оказалась весьма озадаченной. По правде говоря, именно эти два танца она собиралась провести в паре с мистером Уикемом. Какой поворот, какой удар судьбы: Коллинз вместо очаровательного молодого человека! От хорошего настроения не осталось и следа. На ум никак не шел способ отделаться от приглашения. Видимо, в силу жестоких обстоятельств счастье мистера Уикема, как и ее собственное, ненадолго откладывается. Предложение кузена она приняла так почтительно, как только могла. Однако за галантностью его явно чувствовалось что-то еще. Только сейчас, точно удар молнии, ее сразила мысль о том, что из всех сестер именно ее выбрали, как самую подходящую на роль миссис Хансфордский Приход и что именно ей уготовано танцевать кадрили в Розингсе за неимением более достойных визитеров. Догадка эта вскоре переросла в убеждение, и теперь она ревностно подмечала каждую новую любезность мистера Коллинза. Ей резал слух каждый комплимент, каждая похвала в адрес ее живости и сообразительности. Новость эта скорее удивила, чем обрадовала Элизабет. Более того, удивление ее только возросло, когда барышня получила от матери недвусмысленный намек на то, что перспектива этого замужества безмерно ее радует. Элизабет не решилась показать, будто поняла ее, поскольку, что бы она ни ответила, любое ее слово неминуемо повлекло бы за собой бурный диспут. Кто знает, может, мистер Коллинз так никогда и не решится сделать ей

предложение; и поэтому раньше времени ломать из-за него копы казалось просто неразумным.

Если бы не бал в Незерфилде, который сейчас занимал умы и сердца всяк живущего, младшие мисс Беннет оказались бы в весьма непрестом положении, потому что с того самого дня, когда были получены приглашения, и вплоть до самого бала лил нескончаемый дождь, так ни разу и не позволивший им прогуляться в Меритон. Ни тетушки, ни офицеров, ни новостей... Даже розочки для туфель к балу пришлось заказывать с нарочным. Непоколебимое спокойствие Элизабет подверглось серьезному испытанию в эти дни, потому как погода поставила под вопрос продолжение ее знакомства с мистером Уикемом. Для Китти и Лидии же во вторник ничто, кроме танцев, не делало столь желанными грядущую пятницу, субботу, воскресенье и понедельник.

Глава 18

До того самого момента, когда Элизабет вошла в гостиную мистера Бингли и пробежала разочарованным взглядом по сгустку пурпура мундиров в тщетной попытке разыскать среди них мистера Уикема, ей даже не приходило в голову, что на балу его может вовсе и не быть. Уверенность во встрече с ним была столь тверда, что ее не в силах были поколебать те небеспричинные подозрения, которые в любом другом случае ее несомненно бы посетили. В этот вечер она наряжалась с необычной тщательностью, в совершенно счастливом настроении готовилась к тому, чтобы заглянуть в собственное сердце, и предвкушала победу, завоевание которой было вопросом лишь одного вечера. Но теперь в ней зародилось кошмарное подозрение в том, что, раздавая приглашения офицерам, мистер Бингли намеренно обошел своим вниманием мистера Уикема, дабы угодить тем самым своему другу Дарси; и хотя на самом деле все обстояло несколько иначе, сам факт отсутствия молодого красавца был полностью подтвержден его приятелем, мистером Денни, к которому без всяких обиняков обратилась Лидия. Тот поведал ей, что мистер Уикем был вынужден накануне отправиться по делам в город и до сих пор не вернулся. Эту новость офицер сопровождал многозначительной улыбкой.

— Не понимаю, что за дела заставили его поехать в город именно сейчас. Разве что он намеренно решил избежать встречи здесь с одним человеком...

Эту часть сведений Лидия уже не слышала, но ее перехватила Элизабет, у которой теперь не осталось и тени сомнений в том, что именно Дарси повинен в отсутствии славного мистера Уикема и что ранние ее подозрения полностью подтверждались. Немедленное ее разочарование вскоре переросло в обиду на друга Бингли, и чувство это было столь сильно, что она едва сдержала себя, когда сам мистер Дарси подошел к ней и принялся со всею мыслимой любезностью

расспрашивать ее о делах. Элизабет казалось, что внимание и терпение, с которыми она стоически сносит само его присутствие рядом, равносильны оскорблению бедного Уикема. Девушка решительно настроилась сделать все от нее зависящее, чтобы у наглеца отпала всякая охота к подобным беседам, и даже в ее разговоре с ни в чем не повинным мистером Бингли, который, сам того не ведая, спровоцировал бурю гнева, звучали отголоски раздражения и досады, предназначавшихся виновнику ее несчастий.

Однако долго сердиться Элизабет не умела; и хотя все ее планы на этот вечер оказались безжалостно разрушенными, разочарование все же не могло длиться вечно. Поведав в подробностях о своей печали Шарлотте Лукас, с которой она не виделась целую неделю, барышня вскоре уже рассказывала подруге о всех странностях мистера Коллинза. Сообщила она и о своих подозрениях относительно намерений кузена. Разумеется, первые два танца вернули ее в мрачнейшее расположение духа, вызвав новый всплеск чувства горькой обиды. Мистер Коллинз был напыщен и неуклюж. Он то и дело извинялся, вместо того чтобы ухаживать. Кузен часто двигался невпопад и, сам того не понимая, причинял ей всю боль, какую только способен причинить нежеланный партнер за долгих два танца. Тот момент, когда они, наконец, раскланялись, вызвал в девушке чувство бурного облегчения.

Следующая четверть часа ознаменовалась танцем с одним из офицеров, который поведал ей о том, какой всеобщей любовью пользуется Уикем, и пролил тем самым на израненное сердце девушки изрядную долю бальзама. Как только закончились эти танцы, Элизабет вернулась к оставленной на время Шарлотте Лукас, чтобы продолжить прерванный разговор, как неожиданно к ней обратился незаметно подошедший мистер Дарси и пригласил ее на танец. Барышня в первое мгновение так растерялась, что невольно кивнула. Довольный, молодой человек немедленно удалился, оставив вконец обезумевшую девушку размышлять над тем, в своем

ли уме она была еще мгновение назад. Шарлотта попыталась успокоить подругу:

– Смею полагать, ты сочтешь его очень милым.

– Боже упаси! Это было бы самым большим заблуждением! Считать милым того, кого я намерена ненавидеть! За что ты так терзаешь меня?

Когда объявили новую перемену, мистер Дарси подошел к своей избраннице. Шарлотта не сдержалась и шепотом предупредила подругу не быть грубиянкой и не позволять мыслям об Уикеме завладеть собою настолько, чтобы выглядеть неприятной особой в глазах человека в десять раз значительнее по положению, чем какой-то симпатичный страдалец. Элизабет лишь сжала губы и заняла свободное место в фигуре, мрачно смакуя честь, которую оказывало ей положение напротив столь важной персоны, как мистер Дарси, и читая те же самые чувства в глазах своих соседок. Некоторое время они простояли, не произнеся ни слова. Ей начинало казаться, что молчание их продлится целых два танца; и барышня вознамерилась не сделать и шага к тому, чтобы прервать эту гнетущую тишину, как вдруг ее озарило, что разговор для партнера станет еще большим наказанием, и поэтому она вскользь сделала незначительное замечание по поводу очередного па. Дарси ответил и снова замолчал. По прошествии пары минут Элизабет снова обратилась к молодому человеку:

– Теперь ваша очередь сказать что-нибудь, мистер Дарси. Я говорила о танце, и вы просто обязаны сделать замечание о размерах зала или количестве танцующих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Джейн Остин

ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

Примечания

1

Быстрый шотландский танец.
[Вернуться](#)